

Прошлое
можно
изменить?

А что бы
ты сделал,
если бы попал
в прошлое?

В семнадцать ВСЁ ИНАЧЕ

А что бы ты сделал,
если бы попал в прошлое?

18+

Соколова Печатает...

В семнадцать все иначе

«Автор»

2026

Печатает... С.

В семнадцать все иначе / С. Печатает... — «Автор», 2026

В тридцать лет Лея уже знает, как складывается жизнь. Какие решения становятся ошибками, какие люди уходят навсегда и о чём начинаешь жалеть, когда исправить уже ничего нельзя. Но однажды она просыпается в собственной комнате, в прошлом. Ей снова семнадцать. На календаре — 2009 год. Впереди школа, старые друзья, привычный город и целая жизнь, которую она уже однажды прожила. Только теперь Лея помнит всё. Все знают золотое правило времени - ничего нельзя менять. А, что будет если его, все-таки, нарушить? Это роман о втором шансе, первой любви, дружбе, семейных узах и цене выбора.

© Печатает... С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Соколова Печатает...

В семнадцать все иначе

Глава 1

Глава 1. День рождения

Солнце ещё не взошло, а Лея уже стояла у окна своей квартиры на седьмом этаже.

Сегодня ей исполнялось тридцать.

Родители называли её в честь принцессы из фантастического фильма. Школа превратила её в «лейку», отбросив все романтические ассоциации. А потом жизнь устроила ей такое, что никакому фантастическому фильму не снилось.

Странно, но именно сегодня впервые за долгое время ей подумалось: а что, если дальше уже ничего не будет? Не в смысле смерти. С этим она пока не торопилась. Просто жизнь почему-то остановилась где-то между «потом» и «когда-нибудь».

Потом она выучит языки. Когда-нибудь уедет в Европу. Потом начнёт жить для себя. Когда-нибудь встретит того самого человека.

Потом. Когда-нибудь.

Она посмотрела на своё отражение в тёмном стекле.

Высокая. Прямая спина, хотя плечи почти всегда напряжены, будто она привыкла нести что-то тяжёлое и давно забыла, каково это — расслабиться. Карие глаза, в которых усталость уже не пряталась за косметикой и не лечилась витаминками.

Лея провела пальцами по виску и убрала за ухо прядь обесцвеченных волос. Когда-то её волосы были густыми, тёмно-каштановыми, до лопаток. Почти год назад, после расставания с женихом, она отрезала их до плеч и перекрасилась в пепельный блонд.

Тогда ей казалось, что вместе с волосами она срежет и прошлое. Не сработало.

Она коснулась родинки на щеке. Единственное, что, кажется, осталось от прежней неё.

Лея взяла со стола чашку и сделала глоток чая. Горький. Если честно, жизнь у неё была вполне... нормальная. Даже хорошая.

Собственный цветочный магазин — «Вербена», который она открыла в двадцать шесть, вложив все накопления и часть бабушкиной помощи. Постоянные клиенты, заказы, свадьбы, дни рождения. Аня — подруга ещё со школы, одна из немногих людей, которые знали её настоящей.

Был дом.

Была работа.

Когда-то был жених. Теперь — бывший. И, кажется, когда-то была любовь. Вроде бы.

И всё это почему-то не складывалось в ощущение жизни.

Лея бросила взгляд на открытый учебник немецкого на столе. Она купила его полтора года назад, когда отношения уже трещали по швам и ей казалось, что вот-вот всё бросит и уедет.

Берлин. Вена. Прага.

Лея усмехнулась.

— Ну да. Конечно.

Она так никуда и не уехала.

Телефон тихо завибрировал.

Аня.

«С днём рождения, Лейка :) Жду в шесть в нашей кафешке. Все поздравления и почести после! :р»

Лея улыбнулась. Хотя бы Аня осталась.

Она застегнула на запястье тонкий золотой браслет — мамин подарок на восемнадцатилетие.

Когда-то ей казалось, что тридцать — это почти старость. Что к этому возрасту она точно будет жить совсем иначе.

Большой город. Два языка. Путешествия. Любовь, от которой не хочется сбежать.

А вместо этого — магазин, который съедал всё время, одиночество, которое она научилась называть независимостью, и длинный список того, что не успела, не смогла или не решилась сделать.

Лея поморщилась и допила остывший чай. За окном начинало светать.

На улице воздух был колючим, сухим. Лея глубоко вдохнула, и лёгкие обожгло холодом. На часах было десять утра, но небо лишь начинало светлеть, подсвечивая горизонт бледно-розовым.

Она думала о том, что через несколько часов увидит Аню, что нужно купить ленты для нового заказа и что аренду платить уже через три дня.

Думала о чём угодно, только не о пустоте размером с континент.

До «Вербены» — десять минут. Поворот, светофор, мост, ещё один поворот. Каждый день один и тот же маршрут.

Магазин встретил её запахом влажной земли и зелени.

Первым делом нужно было проверить цветы, привезённые накануне: розы, хризантемы, альстромерии. Некоторые уже начинали никнуть. Лея смочила стебли, подрезала кончики и переставила букеты в свежую воду.

Руки двигались автоматически, пальцы помнили каждое движение.

Кофемашина запищала. Через минуту кофе был готов. Лея отпила глоток, глядя на витрину. Скоро должен был прийти первый клиент — обычно к десяти подтягивались женщины за букетами для офиса или мужчины, забывшие о годовщине.

Телефон снова завибрировал.

Мама.

Лея мельком глянула на экран и проигнорировала звонок.

Не сейчас. Потом. — Это слово стало её девизом.

Она взялась за ноутбук, проверяя заказы на сайте. В соцсетях листала ленту механически, не вчитываясь, пока взгляд не зацепился за знакомое лицо.

Он стоял на фоне тёплого синего моря, совсем не похожего на этот декабрьский пейзаж. Обнимал девушку с открытой улыбкой.

Подпись: **«Она сказала да».**

Лея замерла. Палец застыл над экраном. Внутри что-то сжалось.

Она знала, что это случится. Знала, что он не будет ждать. Но одно дело — знать, и совсем другое — увидеть своими глазами. Лея отложила телефон и допила кофе в два глотка, обжигая горло.

— Ну и ладно, — сказала она вслух. — Ну и хорошо.

Голос прозвучал неубедительно даже для неё самой.

К обеду пришёл первый заказ — букет на юбилей. Лея работала руками, стараясь отключить голову: зелень, розы, упаковка, лента.

В три часа она вспомнила о пропущенном звонке от мамы. Они не созванивались недели две. Лея заставила себя набрать её снова. Разговор прошёл даже лучше, чем она ожидала: без упреков и взаимного недовольства. Они поболтали... даже мило. Лею это устроило.

Её флорист, студентка Женя, должна была прийти ещё час назад. Лея набрала её номер.

— Лея, простите! Я сегодня только после трёх смогу, пары передвинули.

Лея прикрыла глаза и вздохнула.

— Хорошо, Жень. Я жду. Приходи сразу, как освободишься.

Она положила трубку и оглядела магазин. Коробки с розами, которые нужно разобрать. Витрина, на которой за ночь осела пыль.

— Ну что ж, — сказала Лея пустоте. — Значит, сегодня я и флорист, и уборщица, и продавец.

Закатав рукава свитера, она принялась разбирать коробки под мерное жужжание холодильника.

Вскоре от долгого стояния за прилавком заныло в спине. Лея вспомнила про йогу, на которую давно забила, усмехнулась и пошла ставить чайник.

Перед глазами всё ещё стояла фотография: бывший жених, море, «Она сказала да».

Лея думала о том, что дело было в ней — в неумении быть с кем-то по-настоящему, открыто, без оглядки на запасной выход. А её мужчина просто устал ждать, пока она его закроет.

— Ну и правильно сделал. Молодец, — горько пробормотала она себе под нос.

Дверь звякнула, вырывая её из мыслей. В магазин ворвался морозный воздух. Женя — покрасневшаяся, в платке, сбившемся набок, — влетела внутрь, стряхивая снег.

— Фу-у-ух, простите! Лабораторку на обед переставили, еле успела. Она скинула пуховик и оглядела магазин хозяйским взглядом.

Всё. Можно идти. «Вербена» в надёжных руках.

Улица встретила Лею ветром и мелкой снежной крупой, которая била в лицо, заставляя щуриться. Она зашагала быстрее, вжимая голову в плечи.

Первым делом — типография. Дальше — встреча с маркетологом в кафе. Лея слушала, кивала, записывала в заметки, платила.

Время поджимало — до встречи с Анькой оставалось чуть меньше часа.

Она двинулась к остановке. Мысль о тёплом свете, бокале вина и подруге с её бесконечными историями согревала лучше шарфа.

Лея толкнула дверь их любимого кафе. Уютное, с приглушённым светом и тяжёлыми шторами на окнах, оно встретило её запахом свежесваренного кофе.

Она кивнула официантке, выбрала любимый столик в углу, у окна, и села, положив сумку на соседний стул. Ани ещё не было.

Лея позволила себе на минуту провалиться в мысли под музыку и звон кофемашины за стойкой.

Знакомые выходили замуж, рожали детей, отдыхали.

А она всё бегала по делам, заказывала баннеры, поливала цветы и возвращалась в пустую квартиру, где её ждал только холодный чайник.

Но колокольчик звякнул, не позволяя провалиться окончательно и на пороге появилась Аня. Она скинула капюшон, тряхнула головой, и ровное каре легло на плечи.

Лея смотрела на подругу, вспоминая, как раньше эти же волосы торчали в разные стороны копной мелких кудряшек. Теперь — порядок. Контроль. Ничего лишнего.

Аня шагнула внутрь, стряхивая снег с пальто.

— Привет, именинница! — Она улыбнулась, повесила пальто и крепко обняла подругу.

— Ну что, уже чувствуешь себя мудрой черепахой?

Лея фыркнула.

— Скорее дохлой рыбой.

— Ну, прогресс, — Аня села напротив и взяла меню. — В прошлом году ты была «разбитым корытом».

Они улыбнулись друг другу без слов — точно так же, как делали это с четырнадцати лет.

Официантка приняла заказ. Аня заметила слишком трагичное лицо подруги и всё поняла без слов.

— Слушай. Я знаю, что тридцать — это... тяжёлая дата для любой женщины. Но мы ещё ничего, даже красивые, представляешь?

Она улыбнулась, и в этой улыбке мелькнуло что-то от той девчонки, которая когда-то сидела с Леей на подоконнике и делилась чипсами.

— Ань, — тихо позвала Лея. — Ты сама то как? Как мама?

Аня замерла на секунду и опустила глаза в меню, будто оно было ей интересно.

— Всё по-старому. Курс химии закончили. Врачи говорят, что... — Она осеклась, и натянула улыбку — чуть ярче, чем следовало. — Давай не будем о грустном. У тебя юбилей! Давай о тебе.

Лея молчала, глядя на подругу. Внутри кольнуло знакомое, горькое чувство: родители тоже стареют.

В тридцать лет будто вдруг осознаёшь: они смертны. Они болеют. Они устают. И уже не спрячешься за их спинами, потому что теперь ты сама должна держать удар.

Лея протянула руку через стол и сжала ладонь подруги.

— Я рядом. Ты знаешь.

Аня быстро кивнула и отпустила её руку, потянувшись к сумке.

— Давай лучше вина закажем, а? А то я сейчас расклеюсь, а у меня ещё макияж нормальный.

Спорить Лея не стала. Официантка принесла открытую бутылку и два бокала. Они разлили вино, и первый глоток прокатился по горлу теплом.

— Помнишь, как мы в девятом классе пошли смотреть фильм ужасов, а тебя вывернуло от вида, как пираньи жрут мужика? — Аня наклонилась ближе к столу.

— Я тогда так жалела сто пятьдесят рублей за билет, а ты сказала, что так просто это не оставишь и мы пойдём ещё раз на пустой желудок.

Лея рассмеялась, вспоминая, как они вдвоём сбежали из зала в темноте.

— Не смей мне припоминать! У меня всегда была тонкая душевная организация!

— И слабый желудок, — рассмеялась Аня.

— А универ? Как мы сбежали с пар, потому что ты написала мне: «В парке пионы цветут, умрём, если не увидим»?

Они пили ещё. Вино согревало, развязывало языки, и каждая новая история вытаскивала на свет старые, пыльные, но тёплые воспоминания. Как они красили волосы хной и две недели ходили рыжими. Как пытались курить. Как Лея рыдала у Ани на плече после расставания с первым парнем.

— А помнишь, как мы решили, что станем знаменитыми? — Аня вдруг посмотрела на неё с лёгкой грустью. — Ты — переводчицей, я — великим писателем. И что мы будем жить в Америке и пить кофе по утрам на балконе.

Лея опустила взгляд в бокал. Красное вино плескалось на стенках.

— Да, — тихо сказала она. — Планы были грандиозные.

— Ну, — Аня пожала плечами, — зато мы есть друг у друга. Это, знаешь, тоже немало.

— Ага, будем успокаивать друг друга этим, — Лея подняла бокал, и они чокнулись, тихо рассмеявшись.

Аня порозовела от выпитого и вдруг хитро сощурилась, глядя на подругу поверх бокала.

— А ты, кстати, никогда не искала его? Артура?

Лея замерла. Она давно не слышала это имя.

Но сейчас, после второго бокала, оно отозвалось где-то в сердце глухим, тёплым эхом.

— Искала, — призналась она, глядя в стол. — Давно. Я по всем соцсетям рылась. Но ничего не нашла. Сколько ему сейчас? Лет сорок?

— Господи, — Аня присвистнула. — И правда, уже дед. Он сейчас, наверное, сидит в вельветовом пиджаке, пьёт чай с ромашкой и слушает Высоцкого на виниле.

Лея улыбнулась, но в груди кольнуло.

— А помнишь, как мы за ним следили? — Аня усмехнулась, и в глазах заплесало винное озорство. — Я таскалась с тобой мимо его окон. Мы делали вид, что просто гуляем, а ты пыталась заглянуть между шторами. Я чувствовала себя извращенкой.

— Ой, молчи, — Лея закрыла лицо ладонями, но сквозь пальцы улыбалась. — Я же ещё письма писала. В стол. Целые тетради. Думала, что когда-нибудь наберусь смелости и отдам ему.

— Это ещё что, — Аня понизила голос до шёпота и наклонилась вперёд. — А как же твои фанфики? Те самые. Пошлые. Про его тонкие пальцы?

— Анька! — Лея шлёпнула подругу по руке. — Мы договорились не вспоминать!

— Не, ну а что? — Аня развела руками, довольна ухмыляясь. — Я твой архив памяти. Кто-то же должен помнить, какая ты была ненормальная.

Она вдруг подалась вперёд за телефоном. В глазах загорелся тот самый азартный огонёк, который Лея помнила ещё со школы. Огонёк, с которым они отбивались от обидчиков, сбежали с пар и выслеживали учителей.

— А давай его поищем? — предложила Аня. — Ну серьёзно. Вдруг удача улыбнётся? Лея замялась, покрутила пустой бокал в пальцах.

— Да ну. Столько лет прошло. А вдруг он лысый, с пивным животом и работает в налоговой?

— Тем интереснее, — пальцы Ани забегали по экрану. — Я не успокоюсь, пока не найду. Ты же знаешь меня.

Лея вздохнула, откидываясь на спинку стула. Она знала.

Они проделывали это сотню раз — под шафе, после пары бокалов, лезли в соцсети к бывшим, одноклассникам и бывшим одноклассникам. Это был их ритуал, пьяная археология прошлого.

— Ну давай, — сдалась Лея. — Но, если найдёшь его в штанах до пояса и целующимся с мамой, я выброшу твой телефон в окно.

— Идёт, — Аня хмыкнула и углубилась в поиски.

Она вгрызалась в поиск с таким упорством, будто от этого зависела её жизнь. Лея наблюдала за ней, допивая второй стакан воды, чтобы хоть немного сбить винное тепло.

— Так, смотри, — Аня поднесла телефон к глазам. — Нашла какого-то Артура Евгеньевича, но он... стоматолог.

— Стоматолог? — Лея представила его в белом халате. — Они очень богатые. Неплохо.

— Размечталась. Идём дальше.

Аня снова застучала по экрану.

— О! Вот этот похож. Артур Евгеньевич, тридцать девять лет, преподаватель... но в спортивной школе. Тренер по плаванию.

— Нет. Он бы утонул в первой же дорожке. Он всегда был бледный, как бумага, сонный.

— Точно. Не он, — вздохнула Аня и снова принялась листать.

Они ещё долго вспоминали его фамилию — перебирали варианты, путались, смеялись до слёз, когда Лея вдруг выдала «Сергеевич» вместо «Евгеньевич».

— Господи, — простонала она. — Я даже отчество его забыла.

— Ну, прошло тринадцать лет, — Аня пожала плечами. — И всё-таки какое у него романтическое имя? Артур. Как рыцарь в сияющих доспехах.

— Да. Рыцарь. Только он даже не знал, что я его принцесса.

— Да всё он знал, — отмахнулась Аня, не отрываясь от телефона. — Ты тряслась, стоило ему войти в класс. Просто молчал, потому что порядочный был.

Лея замолчала, и картинка всплыла сама собой.

Тёплый майский день, распахнутые окна в кабинете литературы. Он стоит у доски, поправляет очки. Кто-то из девочек громко пошутил про «романтику на выпускном», и Артур залился краской, отвернулся к окну, делая вид, что поправляет штору, прежде чем продолжить урок.

— Он краснел, — сказала Лея, выныривая из воспоминаний. — Я помню, как он однажды читал нам Блока и у него дрожали руки. Он не притворялся. Он правда чувствовал каждое слово.

Аня подняла взгляд от телефона.

— Он до сих пор тебе нравится, да?

— Не говори чепухи, — Лея отмахнулась. — Это просто... образ чего-то чистого из юности. У каждого такой есть.

Она покрутила бокал в пальцах, наблюдая, как остатки вина стекают по стенкам.

— Лучше оставить его там. В пыльном кабинете литературы, с мелом на пальцах.

За окном проехала машина.

— А если он всё такой же? — вдруг спросила Аня. — Если не изменился? Если всё так же краснеет, носит очки и весь из себя загадочный и тонкий?

— Таких, как он, не бывает в реальности, Ань. Он остался там. В две тысячи девятом.

— А он... — Лея замялась и махнула рукой. — Просто приятное баловство фантазий.

Аня понимающе кивнула и подозвала официанта. Они заказали ещё бутылку вина и что-то горячее, пахнувшее травами и чесноком. Пока ждали, говорили о пустяках — о работе, погоде и о том, что в этом году путёвки на море будут дорогими.

А потом Аня уткнулась в телефон и вдруг замерла.

— Охренеть.

— Что?

— Кажется... я его нашла.

Лея застыла.

— Не шути так.

— Я серьёзно, — Аня поднесла телефон ближе, щурясь. — Артур Евгеньевич, преподаватель литературы, гимназия с углублённым изучением... Лей, это он. Я почти уверена.

— Покажи, — Лея протянула руку.

— Не-а, — Аня убрала телефон за спину, и на лице расплылась вредная улыбка. — Сначала скажи, что ты чувствуешь.

— Ань, не дури.

— Я серьёзно. Ты только что говорила, что это «баловство фантазий». Так какая разница? Лея сжала губы. Она ненавидела, когда Аня была права.

— Давай сюда.

— Не-не-не, — Аня покачала головой, всё ещё улыбаясь. — Сначала признай, что ты врёшь. Что хочешь на него посмотреть.

Лея молчала и чуть не согнула ложку в руке.

— Я просто хочу знать, жив ли он вообще. И всё.

— Да-а-а... он определённо жив, — протянула Аня, не отрывая взгляда от экрана. Вдруг её брови поползли вверх. — И судя по... О-о-о. Вон оно что.

— Ну что? Что там? — Лея подалась вперёд, вцепившись пальцами в стол. — Хотя нет, не показывай. Просто скажи, что он лысый и толстый. Чтобы я успокоилась.

Аня хитро прищурилась, продолжая листать фотографии.

— Не-а. Совсем не-а.

— Что значит «не-а»? Он что, лысый, но не толстый? Или толстый, но с шевелюрой? Ань, не молчи, я сейчас лопну.

— Он... Он вообще не изменился. Серьёзно. Те же очки, те же глаза, те же губы, которые ты описывала в своих дневниках. Только... возмужал, что ли. И, Лей, у него татуировка на предплечье.

— Татуировка? — переспросила Лея. — У Артура Евгеньевича, который боялся даже рукав выше локтя подвернуть? Врёшь.

— Хочешь — не покажу! Но он совсем ничего такой. И он всё ещё в городе. Только уже не в гимназии.

— А где? — Голос Леи сел до шёпота.

— Судя по геотегам, у него небольшая музыкальная студия у старого парка. Представляешь?

Тот самый тихоня теперь учит людей и играет. Настоящую музыку, не только на школьных линейках.

— А ну дай сюда, — выдохнула Лея, протягивая руку. — Только без комментариев.

Она взяла телефон дрожащими пальцами. Экран светился, и первое, что бросилось в глаза, — глаза Артура. Те самые. Большие, грустные, спрятанные за тонкой оправой очков.

Дыхание перехватило. Лея постаралась не выдать своих чувств перед подругой.

На снимке Артур сидел за чёрным лакированным фортепиано с потёртыми клавишами. Не в душном пиджаке, не в кабинете с портретами классиков, а в уютной студии с кирпичной стеной и мягким светом. Белая рубашка, рукава закатаны до локтя. На левом предплечье — татуировка: ноты, переплетённые со страницами книг, а в центре — раскрытое сердце.

Лея провела пальцем по экрану, листая дальше. Почти на всех фотографиях была музыка: Артур за роялем, с учениками, на записи. На одной он смеялся в кругу друзей с гитарой в руках, а на другой его старый кот устроился на рояле.

— Боже. Он... он живой. Настоящий.

Аня молчала, наблюдая за ней.

— Я искала его везде, — тихо прошептала Лея. — А он всё это время был здесь. Я могла бы наткнуться на него в магазине или на улице. И не узнала бы.

— Он был талантливым, — задумчиво произнесла Аня, принимая у официанта тарелку с горячим. Пар поднимался вверх, донося запах розмарина и специй.

— Интересно, почему он не уехал? — спросила она.

Лея нехотя отложила телефон.

— Я слышала, что у него пожилая мать. Он же поздний ребёнок. Наверное, не захотел её бросать. Он всегда был таким... ответственным.

Лея слабо улыбнулась.

— А может, он просто любил своё дело. И людей. И не видел смысла бежать за славой, если можно быть нужным здесь.

— Ага, — Аня прищурилась с лёгкой усмешкой. — Он весь такой особенный. Не смейся, Лей. Просто сил не хватило на свои же амбиции. Вот и всё.

Лея замерла с вилкой на полпути ко рту.

— Ты сейчас меня описала, Ань. Чего на больное давишь?

— Да все мы тут особенные. Я. Ты. Он. И все торчим на обычных работах, в своих серых городах. Мечтаем о том, чтобы увидеть что-то кроме снега и пенсии.

Пар всё ещё поднимался, но аппетит пропал. Слова подруги задевали.

— А может, — тихо начала Лея, — он просто выбрал быть счастливым здесь? Не всем нужно покорять мир, чтобы чувствовать себя живым.

Аня вздохнула, отложила вилку и накрыла ладонь Леи своей.

— Прости. Просто... иногда так горько становится, что хочется обвинить весь мир в том, что мы не там, где мечтали быть.

— Я знаю, — Лея слабо улыбнулась. — Но, может, ещё не поздно. Для нас обеих?

— Не поздно, — Аня подняла бокал. — Так выпьем же за это?

Они ещё немного поболтали — о планах на будущее и о том, что Ане пора перестать встречаться с «творческими личностями, которые не могут определиться, кем хотят быть, когда вырастут».

Лея смеялась, качала головой, но в душе всё ещё теплился образ её учителя за роялем.

Когда часы показали половину десятого, Аня зевнула, прикрыв рот ладонью.

— Всё, подруга. Завтра у меня сессия с клиентом в восемь утра.

— А у меня свои заботы, — Лея вздохнула, поднимаясь. — Цветы сами себя не полиют.

Они расплатились, накинули тёплые вещи и вышли на улицу. Вдруг Лея остановилась и взвизгнула так, что проходивший мимо мужчина с собакой вздрогнул.

— Аня! — Она дёрнула подругу за рукав пальто. — Стой! Ты же забыла!

— Что забыла?

— Подарок! Мне! У меня день рождения!

Аня замерла на мгновение, а потом расхохоталась.

— Господи, Лейка, прости! Я же в кафе собиралась отдать, а потом увлеклись болтовнёй!

Она торопливо расстегнула сумку, порылась внутри и извлекла красивый конверт, перевязанный бечёвкой. Снег уже припорошил обёртку, и Лея бережно стряхнула его.

— Держи. Тут сертификат в спа — твоей спине пригодится. А вот второй...

Аня достала из сумки маленькую бархатную коробочку тёмно-синего цвета, перетянутую серебряной лентой.

— Это что? — Лея удивлённо приподняла бровь. — Ты решила меня задарить?

— Открывай, — загадочно улыбнулась Аня.

Лея развязала ленту, приподняла крышку и замерла. Внутри, на бархатной подушке, лежал кулон на тонкой серебряной цепочке. Необычный: прозрачно-голубой камень, внутри которого, казалось, танцевали крошечные серебряные искры. Он поблёскивал в свете фонаря.

— Красивый, — выдохнула Лея. — Что это за камень?

— Продавец сказал, что это лунный камень с вкраплениями пирита. Но я подумала... он похож на звёздную пыль. Как будто внутри кусочек неба.

Лея провела пальцем по гладкой поверхности камня, и на мгновение ей показалось, что искры внутри вспыхнули ярче. Она подняла глаза на подругу.

— Спасибо. Он очень красивый.

— Носи, загадывай желания. Говорят, такие штуки их исполняют.

Глава 2. Лунный камень

После двух бутылок вина, выпитых на двоих, в тепле такси Лея захмелела ещё сильнее. Дома она зашла в прихожую, не включая свет, — хватило уличных фонарей. Сапоги полетели в разные стороны: один глухо стукнулся о стену, второй закатился под вешалку.

Пальто она скинула, даже не повесив, просто бросила на пол, и прошла в ванную, растирая замёрзшие ладони.

Из зеркала на неё смотрела раскрасневшаяся от мороза и вина девушка с блестящими карими глазами. Лея поправила волосы и заметила четвёртую седую волосинку за эту неделю.

Она заправила её за ухо, усмехнувшись чему-то своему, и чуть не ошпарила руки горячей водой.

В своей комнате Лея включила настольную лампу и уселась с ногами на старый скрипучий стул. Телефон в руках дрожал — или это руки дрожали.

Она снова нашла его страницу.

Артуру было тридцать восемь. В профиле виднелась седина на висках, которую он не пытался скрыть, и та же родинка на шее. Он по-прежнему носил очки, только теперь в тонкой золотой оправе. На аватарке — Артур у рояля, крупным планом: глаза закрыты, пальцы на клавишах.

Лея увеличила фото, разглядывая морщинки у глаз. Раньше их не было.

Она листала ленту, и грудь ныла от каждой мелочи. Вино всё ещё шумело в голове, и даже самые обычные фотографии почему-то трогали сильнее, чем тронули бы её на трезвую голову.

Серый кот — толстый, важный, с мордой, выражающей вселенское презрение. Артур подписал: «Грей, 14 лет. Старше, чем некоторые мои ученики».

Вот он на даче у матери — деревянное крыльцо, покосившийся забор. Артур с вишнями, в рубашке с закатанными рукавами, с ведром, полным тёмных ягод. Он улыбался, и эта улыбка была той самой, которую Лея помнила.

Она перешла к его друзьям. На одной из фотографий был отмечен «Макс Веремеев». На снимке Артур держал на руках младенца, и лицо у него было почти испуганное. Подпись: «Я — крёстный. Я в ужасе».

Вот Артур в университете — смешной, в растянутом свитере. С друзьями тушит какое-то горящее покрывало. Все в панике, кто-то ржёт в углу кадра.

А вот они рисуют усы охраннику в общежитии — поверх его настоящих усов, маркером.

Охранник спит, а Макс, видимо, вечный подстрекатель, стоит рядом с маркером в руке и ухмыляется. Артур рядом — смущённый, но явно довольный.

Лея улыбнулась. Почему-то она была рада, что у него был такой друг. Макс. Тот самый, что вытаскивал Артура из скорлупы, заставлял смеяться, дурачиться, жить. Прямо как Анька у неё.

В альбоме мелькала чужая юность, чужие друзья, чужие приколы. И от этого было обидно.

Лея долистала почти до первого курса, как вдруг заметила фото с комментариями и сердечками.

Она даже не сразу разглядела, кто на снимке: взгляд зацепился за огромный зал, толпу студентов, а уже потом — за Артура, в очках, обнимавшего девчонку. Рыжую, ему по плечо, с веснушками и смешливым взглядом.

Лея замерла.

Какая прелесть. У него была девушка.

Она нажала на её ник, не удержалась. Замужем. Двое детей. И лайки от Артура.

Похоже, расстались хорошо. Лея отложила телефон.

Внутри было странно — тепло и горько одновременно. Она не ревновала. Она просто... завидовала. Той рыжей, у которой был Артур. Пусть не навсегда. Но был.

Лея выключила лампу. В комнате стало темно, только уличный свет падал на пол жёлтыми полосами. Она подошла к пальто, брошенному на полу, и достала синюю коробочку.

Достала Анькин кулон и заплетающимися пальцами нацепила на себя.

— Говорят, ты желания исполняешь? — спросила она кулон, и сама себе рассмеялась.

Мысли путались, выпитое давало о себе знать, но желание, которое она собиралась загадать, было совершенно ясным.

Лея крепко зажмурилась:

— Я хочу вернуться туда, где всё было возможно. Где я ещё верила, что мечты сбываются.

Кулон на миг вспыхнул тёплым светом — и погас. Она не видела этого.

Глава 3. Лее снова 17.

Сон пришёл не сразу — сначала была только темнота. Глухая, абсолютная.

А потом пол под ней дрогнул, и Лея почувствовала, что падает. Вихрь подхватил её, закрутил, швырнул в бесконечный тоннель из света и теней. Стены его были сотканы из воспоминаний — они мелькали так быстро, что глаза не успевали сфокусироваться.

Её затошнило. Резко, до спазма в горле. Она попыталась за что-то ухватиться, но руки проходили сквозь всё, как сквозь воду.

Голоса. Сначала тихие, далёкие.

Холодный, раздражённый. Лея узнала его сразу — он врезался в память с детства острыми осколками:

— Ты просто не умеешь быть нормальной, Лея. Такие идиотки, как ты, ни черта не добиваются!

Вихрь дёрнул её в сторону, и голос сменился.

Детский, злой, с насмешливыми нотками — те самые голоса, от которых она пряталась в школьном туалете, зажимая уши руками:

— Ты стремная, и парня у тебя не будет! Запомни это навсегда!

Лея хотела зажмуриться, но веки не слушались.

Картинки вспыхивали перед глазами — школьный коридор, грязный кафель, разбитое зеркало в туалете. Чья-то рука толкает её в плечо.

А потом — голос Ани. Тёплый, родной, пробивающийся сквозь шум, как солнечный луч сквозь тучи.

— Не поздно, так выпьем же за это?

Лея потянулась к нему, но вихрь рванул сильнее, и голос потонул в нарастающем гуле.

А потом — тишина. Резкая, будто кто-то выключил звук.

И в этой тишине — один голос. Низкий, мягкий, пробирающий до души.

— В каждой великой литературе есть момент, когда герой должен сделать выбор. Остаться в знакомой боли или шагнуть в неизвестность.

Его голос она узнала бы из тысячи.

Вихрь дёрнул в последний раз — резко, до хруста в костях. Лея почувствовала, как её тело сжимается, складывается, будто кто-то сворачивает бумажную карту, и она провалилась в белую вспышку.

Последнее, что она услышала перед тем, как потерять сознание, — собственный голос, шепчущий в темноте:

— Я хочу вернуться.

И где-то далеко-далеко прозвенел школьный звонок.

Лея открыла глаза не сразу — веки будто залили бетоном. Голова гудела, в висках пульсировала боль, а во рту остался привкус дешёвого вина.

Она приподнялась на локте, шурясь от солнца, пробивающегося сквозь штору.

Спустила ноги на пол.

Шершавый ковёр, которого у неё не было. Она замерла, нахмурившись. Может, наступила на свой свитер?

Встала, сделала шаг — и врезалась мизинцем в стул.

— Да твою ж мать! — зашипела она, сгибаясь пополам.

А потом подняла голову.

И застыла.

«Гарри Поттер» — старый плакат на стене, по бокам криво приклеенный скотчем.

Обои в мелкий цветочек. Полка с книгами. Ковёр с вытертым узором.

Лея моргнула. Раз. Два. Воздух не шёл в грудь.

Она знала это место.

— Нет, — выдохнула она. — Нет-нет-нет...

Она огляделась.

На тумбочке — школьный дневник, на полу — потрёпанный портфель с покоцанными значками. Рядом — дешёвая заколка для волос с облупившейся краской.

— Этого не может быть, — прошептала она, и голос сорвался.

Она подбежала к шкафу. Старые джинсы, выцветшие футболки. Школьная форма на плечиках. Лея провела по ней рукой.

— Это сон, — сказала она вслух. — Это просто сон, и я сейчас проснусь.

Она ущипнула себя за руку. Больно. Очень. Но ничего не изменилось.

Лея заметалась по комнате, хватая вещи и бросая их обратно. Старые тетради, блокнот с цитатами, которые она писала в четырнадцать, засушенный цветок между страниц. Всё чужое. Всё её.

— Это не смешно! — испуганно крикнула она в пустоту. — Хватит! Выводите меня отсюда!

Никто не ответил. Только за окном чирикнула птица.

Она вылетела в коридор. Узкий, длинный, с облупившимся плинтусом и старой вешалкой, на которой висела мамина куртка — та самая болоньевая, тёмно-синяя, с потёртым воротником. Мама носила её лет пять, пока рукава не потёрлись до дыр.

Напротив — дверь в её комнату. Лея замерла на секунду, сжимая и разжимая дрожащие пальцы, а потом толкнула дверь.

Комната была пуста.

Но всё стояло на своих местах. Узнаваемо до холодного пота на спине.

На тумбочке стоял флакон её духов — старый, из тех, что не выпускали уже лет пятнадцать. Рядом — розовые бигуди на липучках, дешёвые, которые мама покупала в ларьке у дома.

На кровати лежало покрывало. Простенькое, синтетическое, с вылезшими нитками и парой дыр от сигарет, которые мама так и не зашила.

Лея помнила, как они выбросили его года три назад. Вместе. Она помогала маме собирать старые вещи на выброс, и это покрывало полетело в мусорный пакет одним из первых. А сейчас оно лежало здесь. Уже дырявое, но ещё живое.

Она сделала шаг вглубь комнаты и замерла. Воздух здесь пах мамой — её лаком для волос, её вещами, чем-то тёплым, родным.

Лея медленно опустилась на край кровати. Пружины жалобно скрипнули.

Страх накрыл её. Он поднимался откуда-то из живота, сдавливал грудь.

Она сидела в маминой комнате, в месте, где выросла, и чувствовала себя так, будто провалилась в чужую жизнь. В свою собственную.

Ноги слушались плохо — будто чужие. Она прошла к балконной двери.

Свежий утренний воздух ударил в лицо. Она оперлась на перила, вглядываясь вниз.

Дыхание перехватило.

Внизу, на углу, стоял продуктовый магазин. Не тот стеклянный павильон с пластиковыми вывесками, который построили после пожара, а старый, обшарпанный, с деревянными лотками, на которых горками лежали яблоки, картошка и лук.

Над входом висела выцветшая вывеска «Овощи-фрукты» — та самая, что сгорела вместе с магазином лет десять назад.

Сейчас он стоял целый. Живой. Работал.

Она перевела взгляд дальше.

Там, где в будущем была асфальтированная парковка, тянулась роща. Берёзы, тополя, старые клёны. Они стояли стеной — зелёные, шумящие на ветру.

Из стадиона напротив доносилась музыка — динамики хрипели, играя что-то школьное, про осень.

Лея развернулась и зашла обратно в комнату.

Взгляд упал на мамин письменный стол — старый, ещё советский, с выдвижными ящиками и потёртой столешницей.

Над столом висел отрывной календарь с яркими картинками.

Крупными цифрами было написано:

«2009».

«1 сентября, суббота».

Её замутило. Она отвернулась, стараясь не смотреть на эту стену, и побрела на кухню. Маленькую, квадратов семь, с обшарпанным гарнитуром и линолеумом в мелкую точку, который мама постелила ещё в девяностых.

На столе стояла открытая пачка хлопьев. Яркая, кислотно-розовая, со сладкими звёздочками. Она не видела эту пачку лет пятнадцать. Их сняли с производства, кажется, в две тысячи десятом году.

Лея протянула руку. Пачка была лёгкой, почти пустой. На боку — состав, напечатанный мелким шрифтом, и срок годности: «Годен до 11.2010».

Лея прислонилась спиной к холодильнику.

В спину впились старые магниты — те, что ещё можно было выиграть в йогуртах. В голове гудело.

Она опустила взгляд и увидела свои ноги — босые, с облупившимся лаком на ногтях.

Лея оторвалась от холодильника и впервые за всё это время посмотрела на себя внимательно. Не мельком, не в панике — а так, чтобы действительно увидеть.

Длинные, стройные, без единой вены, без растяжек. Она забыла, каково это — смотреть на свои ноги и не видеть следов времени. Провела ладонью по бедру — кожа упругая, гладкая, никакой целлюлитной корки, которая появилась после двадцати пяти.

Лея задрала майку, обнажая живот. И замерла.

Никаких шрамов. Тех самых, что остались после операции в двадцать шесть. Она провела пальцами по чистому, ровному животу — и не нащупала ничего.

Горло сжалось. Она рванула в ванную.

Крошечная, совмещённая, с облупившейся плиткой и старым зеркалом в пластиковой оправе. Лея встала перед ним, вцепившись руками в раковину.

Из зеркала на неё смотрела она. Но другая.

Тонкая талия, почти плоский живот, красивая линия ключиц — Лея засмотрелась на них, провела пальцем по выступающей косточке.

Волосы — длинные, до середины спины, густые. Таких у неё не было уже лет десять.

Она запустила в них пальцы, провела от корней до кончиков.

Натуральный каштановый оттенок. Но нет — она присмотрелась. Крашенные.

Слишком тёмные для натуральных, с лёгким рыжеватым отливом у корней. Это была дешёвая краска из ларька, которой она красилась в школе с подругой.

Длинная чёлка — в то время так носили все. Лея наклонилась ближе к зеркалу.

Нос был усыпан веснушками — мелкими, переходившими на щёки. В семнадцать она их ненавидела.

Она отступила на шаг, оглядывая себя целиком. Кожа чистая. Глаза ясные, без синяков под ними. Она выглядела так, как не выглядела даже в лучшие свои дни во взрослой жизни.

— Чёрт, — выдохнула она. — Я... Я что, умерла? Вчера от палёного Анькиного вина?

Но смерть не может выглядеть так. Не может пахнуть так.

Она медленно обвела взглядом ванную. На полочке над раковиной стояли бутылки — знакомые до щемящей тоски. Мамин шампунь — тот самый, с зелёной жидкостью и травяным запахом, который мама покупала годами.

Лея взяла бутылку, поднесла к носу. Пахнет фруктами, травой, чем-то сладким и цветущим. Она помнила этот запах с детства.

Лея поставила бутылку на место.

— Нет... «Я не умерла», — сказала она вслух — Я, кажется, вернулась...?

Стук в дверь.

Сначала она подумала, что ей показалось. Но звук повторился — глухой, настойчивый.

Тук. Тук. Тук.

Она высунула голову в коридор и прислушалась. В квартире было тихо — только где-то на кухне капал кран и гудел холодильник.

Снова. Громче. Кто-то стоял за дверью квартиры и стучал костяшками по старому дереву. Лея вышла из ванной, ступая босыми ногами по холодному полу.

В глазок — мутный, запылённый — ничего не было видно. Только размытый силуэт.

— Лея! — раздался голос из-за двери. Девичий, звонкий, нетерпеливый.

Она вздрогнула.

— Лейка, открывай, я знаю, что ты дома! Ты что, спишь ещё? Первое сентября, ёлки-палки!

Лея не могла поверить.

— Анька? — Она повернула ключ в замке, и дверь распахнулась с протяжным скрипом петель, который она помнила.

На пороге стояла Анька.

Лея отшатнулась. Буквально — сделала шаг назад, врезавшись спиной в трельяж. Зеркало звякнуло и качнулось.

Анька. Живая. Настоящая.

Она стояла на пороге квартиры Леи в белой блузке и чёрной юбке, сжимая в руках букет гладиолусов, завернутых в целлофан.

Высокая, ещё долговязая, улыбчивая, с буйными кудрявыми волосами.

На носу — красный, налившийся прыщик, яростно замазанный тоналкой на тон светлее. Брови — тонкие, выщипанные в ниточку, словно чужие. Совсем не такие, как у неё взрослой.

Лея смотрела на неё и не могла вымолвить ни слова. Рот открылся, но звук застрял где-то в горле.

Это была её подруга. Но не та, которую Лея видела вчера, — с тяжёлым взглядом уставшей женщины. А семнадцатилетняя. Юная. С этими смешными бровями.

— Ты чего? — Анька нахмурилась, склонив голову набок. — Привидение увидела?

Лея молчала.

— Ань, — выдохнула она наконец. — Ты... ты здесь.

— Ну да, — Анька шагнула через порог, закрывая за собой дверь. — А где мне ещё быть, дурында? Мы ж на линейку собирались. Я тебе в аську писала, ты не ответила.

Она прошла в коридор, положила цветы на тумбу и повернулась к Лее.

— Ты чего такая бледная? — Она прищурилась, всматриваясь в лицо подруги. — Опять ночью редела из-за этого придурка?

— Какого... придурка? — не поняла Лея.

Анька фыркнула и закатила глаза.

— Надеюсь, ты правда его забыла, а то этот белобрысый мудака мне уже снится.

Лея смотрела на неё, и внутри что-то щёлкнуло. Воспоминания нахлынули — не спрашивая.

Семнадцать лет. Тот парень. Высокий, красивый, со светлыми волосами, обещал золотые горы. Она верила. Отдалась ему — по-настоящему, впервые, доверчиво и безоглядно.

А он исчез. Просто перестал отвечать на звонки.

Лея побледнела ещё сильнее. Как она могла забыть? Этот парень был её первой любовью, первой болью. Тогда она рыдала неделями, не выходила из комнаты.

Анька слушала это годами. А теперь... теперь Лея не могла вспомнить даже его голоса или лица в деталях.

Она сглотнула.

— А, да, я... я стараюсь начать новую жизнь, — сказала она и замолчала, глядя на Аньку.

Анька шагнула вперёд.

— Лей? Ты чего такая зашуганная?

Лея попятилась.

— Ты... ты стой там, — выдавила она, выставив вперёд ладонь. — Не подходи.

— Че-е-его? — Анька остановилась, но глаза её округлились. — Ты чокнулась? Лейка, ты меня пугаешь.

— Я сама себя пугаю, — честно призналась Лея.

Анька сделала ещё один шаг. Медленный, крадущийся, словно Лея была диким зверем, которого нельзя спугнуть.

— Та-а-ак, — протянула она, прищурившись. — Ты либо перепила вчера, либо у тебя температура. Дай-ка пощупаю лоб.

— Не трогай меня! — Лея вскинула руки, пятась вдоль стены. — Ты пахнешь... две тысячи девятым годом!

— Чем?! — Анька замерла с вытянутой рукой. — Я пахну «Рексоной», дура.

Лея нервно хихикнула. Истерично. На грани.

— «Рексона», — повторила она. — Боже. Я и забыла, как это воняет.

— Ничего не воняет! — обиделась Анька, но руку убрала. — Слушай, ты меня реально пугаешь. Давай я маме твоей позвоню?

— Нет! — Лея встрепенулась. — Нет, маме не надо. Мама... она ещё на работе?

— Ну да, — Анька пожала плечами. — Первое сентября, у неё же планёрка.

Лея кивнула. Отлично. Хотя бы маму она увидит не прямо сейчас. Ей нужно время. Нужно понять, что происходит.

— Слушай, — она провела рукой по лицу, пытаясь собраться. — Я в порядке. Правда. Просто... сон странный приснился.

— Ага, — скептически протянула Анька. — Сон. Конечно. Ты прямо зелёная вся.

— Я просто... — Лея запнулась, и тут её осенило. — Я просто волнуюсь. Первое сентября. Новый учитель литературы, говорят, строгий.

Анька моргнула. Потом расплылась в понимающей улыбке.

— А-а-а, — протянула она. — Так ты из-за этого? Думаешь, он правда такой зверь, как говорят?

Лея нервно улыбнулась в ответ.

— Ну и? — Анька упёрла руки в бока, глядя на неё с вызовом. — Так и будешь стоять?

Лея моргнула, выныривая из оцепенения.

— А... чего?

— Как чего? — Анька всплеснула руками. — Собирайся, балда! Линейка скоро. Опоздаем — Артур Евгеньевич нам такое устроит.

Лея дёрнулась. Артур Евгеньевич. Классный руководитель. Она снова почувствовала, как стало тяжело дышать.

Она открыла шкаф и замерла.

Внутри висели вещи, которых она не помнила. Какие-то кофты с принтами, футболки с британскими флагами и котятами, джинсы с низкой посадкой. Но белой блузки не было.

— Ты чего ищешь? — Анька подошла сзади и, вздохнув, отодвинула её плечом. — Вон же она, висит.

Она ловко сняла с вешалки белую блузку и чёрную юбку.

— Мать твою погладила, между прочим. Сказала, чтоб ты не вздумала мяться.

Лея тупо взяла вещи. Они пахли кондиционером для белья. Тем самым «Лазурным берегом», который мама покупала в девяностых.

— Спасибо, — прошептала она.

Анька уже копалась в её тумбочке.

— Дай-ка плойку найду, а то моя сдохла... А, вот она.

По-хозяйски, словно у себя дома, она вытащила из чужого стола старую плойку — серебристую, с толстым шнуром, с треснувшей ручкой, замотанной изолентой.

Лея отшатнулась так резко, что ударилась поясницей о край письменного стола.

В голове вспыхнуло: эта плойка. Она помнила её. Помнила, как в двадцать семь перебирала старые вещи и нашла её в коробке. Как включила в розетку — и та заискрила, выжгла клок волос у виска.

— Убери, — выдохнула Лея, глядя на плойку как на змею.

— Чего? — Анька замерла. — Ты чего? Это ж твоя плойка.

— Я знаю, — голос Леи дрогнул. — Я знаю, что это моя плойка. Убери её, пожалуйста!

Анька посмотрела на подругу с недоумением, потом перевела взгляд на плойку, потом снова на Лею.

— Лей, ты точно в порядке? — тихо спросила она. — Может, врача вызвать?

— Я в порядке, — выдохнула Лея, пытаясь унять дрожь в руках. — Просто... не спрашивай. Давай я лучше косы заплету.

— Косы? — Анька удивлённо подняла брови, но плойку всё же убрала обратно в ящик. — Ну, смотри. Тебе виднее.

Лея пятилась к окну, не сводя глаз с Аньки. Пальцы дрожали, путались в волосах. Она пыталась заплести косу, но пряди выскальзывали, не слушались. Лея дёргала их слишком сильно, причиняя себе боль, но хотя бы это чувство было реальным.

— Ты чего от меня шарахаешься? — Анька шагнула к ней. — Я тебя укушу, что ли?

— Не подходи! — Лея отступила, всё ещё сжимая в руке прядь волос. — Я сама. Сама заплету.

— Да у тебя руки трясутся! Слушай, может, правда в больницу? У нас там психушка знаешь какая хорошая? Говорят, электросном лечат.

— Не надо электросна, — буркнула Лея, дёргая прядь так, что глаза зашипало.

Анька вздохнула и полезла в карман джинсов. Достала телефон — старую раскладушку «Сони Эриксон», всю обклеенную стразами. На антенне болтался брелок в виде розового зайца.

— Я звоню твоей маме, — твёрдо сказала Анька, раскрывая телефон. — Всё, решено. У тебя истерика.

— Не надо маме! — Лея рванула к ней, чуть не споткнувшись о рюкзак. — Аня, пожалуйста. Я просто... я просто переволновалась. Первое сентября. Новый классный. Я хочу выглядеть хорошо.

Анька замерла с телефоном в руке. Посмотрела на Лею с подозрением, прищурилась, но телефон убрала обратно в карман.

— Ладно, — недоверчиво протянула она. — Но если ты ещё раз дёрнешься от меня как от прокажённой, я тебе эту плойку засуну в...

— Хорошо, — ответила Лея так серьёзно, что подруга хмыкнула.

Лея натянула белую блузку — та сидела как влитая, будто сшитая по ней. Странное ощущение: вещь, которую она не помнила, но тело помнило.

Потом юбка, чёрная, прямая, на тонкой подкладке. Она застегнула молнию и поймала себя на том, что машинально дёргает подол вниз — жест, забытый лет двенадцать назад.

— Держи, — Анька сунула ей в руки браслет. — На счастье.

Лея посмотрела на него.

Шамбала. Чёрные бусины с серебристыми вставками, потёртый узелок, который уже начал распускаться. Она помнила, как такие носили все. Как они гремели на уроках, как их передавали друг другу, завязывая на запястьях «на удачу». В её времени такие уже никто не носил.

— Спасибо, — тихо сказала Лея и надела браслет.

Бусины легли на запястье знакомо, тяжело. Как кандалы. Но почему-то от этого стало спокойнее.

— Теперь лицо, — Анька уже стояла перед ней с косметичкой, выдавшей виды. — Садись.

— Я не хочу краситься, — попыталась возразить Лея.

— Сядь, я сказала.

Лея покорно села на край кровати. Анька макнула плоскую пуховку и принялась вбивать крем в ее лицо. Тоналка ложилась плотно, бледно, почти кукольно, забивалась в поры у крыльев носа и оставляла заметную границу у шеи.

— Ты как статуя, — довольно кивнула Анька. — Теперь ресницы.

Она достала тушь — пузатую, в жёлтом тюбике, с пушистой щёткой, которую уже размочалили до состояния ёршика. Анька макнула её снова и снова, набирая комки, и принялась красить Лее ресницы. Слой за слоем. Ресницы слиплись в твёрдые чёрные лучи, торчащие почти до бровей.

— Поморгай, — скомандовала Анька.

Лея послушно захлопала глазами.

— Теперь блеск. Держи.

Она протянула крошечный тюбик с розовой жидкостью.

В нос ударил запах. Ядерный виноград.

— Ну вот, — Анька отступила, довольно разглядывая результат. — Красавица. Теперь точно никто не догадается, что ты психованная.

Лея посмотрела в маленькое карманное зеркальце. Из отражения на неё смотрела она — семнадцатилетняя, с бледным лицом, ресницами-щётками и липкими виноградными губами. Граница тональника на шее бросалась в глаза, но в те годы это почему-то считалось модным.

— Я теперь готова. Кажется — выдохнула она.

Они вышли из квартиры, как вдруг Лея спохватилась.

— Слушай, а где мой телефон?

— Какой телефон? — Анька уставилась на неё как на дурочку. — Ты чё, забыла? Ты его позавчера на речке утопила.

Лея замерла. В голове — никаких воспоминаний. Пустота.

— А... точно. Я и забыла.

— Забыла она, — фыркнула Анька. — Теперь до декабря без связи. Мать сказала, только на день рождения новый купит.

— До декабря?! — Лея почувствовала, как внутри всё сжалось.

Три месяца без телефона. В её времени это звучало как приговор.

— А ты думала, телефоны просто так дарят? — Анька покачала головой. — Ты с луны свалилась, что ли?

Глава 4. Первое сентября

Они вышли на улицу, и Лея остановилась. Двор был прежним. Много деревьев — тополя, клёны, колючие кусты боярышника вдоль дорожек. Никто их ещё не спилил. Никто не заасфальтировал газоны.

Жёлтые листья лежали на земле мокрым ковром, прилипали к асфальту. Было зябко. Осенний ветер задувал под юбку, и Лея поёжилась. Ноги в блестящих чёрных капронках сразу замёрзли.

— Ты чего встала? — Анька обернулась. — Идём, опоздаем.

Лея двинулась за ней, не отрывая глаз от всего вокруг. Вместо модных кофеен — вывески «Продукты» синей краской по жести, «Ремонт обуви» с отвалившейся буквой, «Хлеб» с нарисованным караваем. Всё простое. Всё настоящее.

— Выглядишь как туристка в чужом городе. — Анька ткнула её локтем в бок, перехватывая букет гладиолусов поудобнее.

— Да так... задумалась.

— О том, как мы на линейку опоздаем? — Анька ускорила шаг.

Они свернули за угол, и Лея остановилась. Перед школой было не протолкнуться. Родители с фотоаппаратами, первоклашки с огромными белыми бантами. Все с цветами — гладиолусы, розы, астры, хризантемы.

— Линейка на заднем дворе, — Анька кивнула в сторону прохода между корпусами. — Пошли, а то места не будет.

Лея двинулась за ней, лавируя между людьми. Кто-то задел её букетом по плечу, оставив на блузке мокрый след.

Сцена была уже готова — микрофоны, колонки. Ученики строились по классам. Где-то играла музыка из динамиков, но её перекрывал гул голосов.

— Наш класс вон там, — Анька показала рукой. — Возле дерева. Пошли.

Лея перевела взгляд туда, куда показывала Анька, и внутри сжалось. Возле старого клёна, переминаясь с ноги на ногу, стояла компания. Те самые лица, которые она надеялась забыть ещё в той жизни.

Серёга — высокий, ещё долговязый, прыщавый, с вечным наглым прищуром, ковырял землю ногой. Её школьный кошмар наяву. Рядом с ним перешёптывались Света и Настя, совсем молоденькие, смеялись над чем-то своим, самые модные в классе. Прямые чёлки, высокие каблуки.

Лея почувствовала, как ладони мгновенно вспотели. Она забыла. Забыла, что вместе с первой любовью и старым двором сюда вернулись и они.

— О, смотрите, кто пришёл, — протянул Серёга, заметив их. Голос у него был сладкий, но глаза холодные, как у шуки. — А мы уж думали, ты утонула вместе с телефоном. Жаль, не с головой.

Настя хихикнула, прикрывая рот букетом роз. Лея заставила себя выдохнуть. Она уже не та семнадцатилетняя девочка, что пряталась в туалете на переменах. Она взрослая.

Но тело предательски помнило — живот скрутило, плечи напряглись, а в груди застыл холодный ком.

— Пошли, — тихо сказала Анька, беря её под локоть. — Не обращай внимания. Они как собаки — чуют страх.

Серёга тем временем уже потерял к ней интерес — переключился на кого-то другого, засмеялся своим сорванным подростковым голосом. Свита захихикала следом.

Лея выдохнула. Подтягивались остальные. Одноклассники стекались к дереву, кто-то с родителями, кто-то уже сам по себе. Лея начала разглядывать их — с настороженным, почти болезненным интересом.

Вон Сашка. С большими ушами, тощий, в пиджаке, который был ему велик размера на два. Лея помнила, как видела его лет пять назад — он сидел за рулём чёрного внедорожника, солидный, с лёгкой сединой на висках.

А сейчас он стоял перед ней — неловкий подросток с прыщавым лбом и смотрел в землю. Рядом с ним тёрся рыжий Пашка. Точно, Пашка Ульянов.

В «ВКонтакте», уже в той жизни, она видела пост: «С третьей дочкой нас!» И фотографию — он с женой и тремя девочками в одинаковых платицах. А сейчас он просто стоял, ковырял носком кроссовка асфальт и сплёвывал шелуху от семечек.

Они все были здесь. Живые. Молодые. С цветами, с дурацкими причёсками, с неуверенными улыбками. И ни один из них ещё не знал, кем станет.

Лея почувствовала, как к горлу подкатил нервный смешок.

Она зажмурилась на секунду, открыла глаза — ничего не изменилось.

Школьный двор, запах астр, громкоговоритель, и она — семнадцатилетняя, в мокрых туфлях.

В желудке заурчало так громко, будто она не ела все тридцать лет своей прошлой жизни. Ноги стали ватными.

— Ты достала со своими диетами, — зашипела Анька, подхватывая её под локоть. — Опять ничего не жрёшь неделями?

Лея хотела ответить, но в этот момент микрофон на сцене взорвался пронзительным писком. Все вокруг вскрикнули. Звук прошёл голову насквозь, и Лея вздрогнула, возвращаясь в реальность. Писк стих, сменился шипением, а потом из динамиков полился голос — строгий, уверенный.

— Здравствуйте, дорогие ученики, учителя и родители.

Директор — женщина лет пятидесяти, в тёмно-синем костюме с брошью на лацкане — стояла у микрофона, поправляя очки на шнурке.

Она говорила ровно, с расстановкой, о первом звонке, о новых знаниях, о том, что выпускники — уже на финишной прямой.

Лея слушала вполуха. Она смотрела на учителей, выстроившихся позади директора.

Костюмы с подплечниками, пиджаки с блёстками. Одна учительница нацепила бант на грудь размером с первоклашку.

«Господи, — подумала Лея. — Эта мода у учителей не менялась никогда».

Но смех застрял в горле, когда она поймала себя на мысли, что всё это реально. Она стоит здесь. Слушает директора. Смотрит на учителей в дурацких пиджаках. И её сейчас стошнит от осознания, что это не сон. Лея зажмурилась и сделала глубокий вдох.

Она считала про себя: раз, два, три, четыре, пять. Только не стошнить. Только не здесь.

— Ты как? — Анька дёрнула её за рукав.

— Нормально, — выдохнула Лея, не открывая глаз. — Я в порядке.

— Зелёная ты, как тот пиджак завуча.

Лея открыла один глаз и посмотрела на завуча. Пиджак действительно был ядовито-зелёного цвета. Она чуть не рассмеялась.

Директор закончила речь. Раздались жидкие аплодисменты, кто-то крикнул «ура», и толпа пришла в движение. Все хлынули к входу в школу, и Лею подхватило этим потоком, понесло вперёд, будто щепку.

Плечо задела чьим-то букетом, кто-то наступил на пятку. В нос ударил запах мокрой листвы и школьного линолеума.

Где-то слева, в толпе мальчишек, она услышала обрывок фразы: — ...классный наш. Его не было на линейке, опять, наверное, свои бабские романы дочитывал.

Парни засмеялись, кто-то хлопнул говорившего по спине, и они свернули в боковой коридор, скрывшись за спинами.

Лея замерла на секунду, но Анька уже тащила её дальше, вверх по лестнице, к кабинету литературы.

И воспоминания хлынули. Лея увидела, как она сама — семнадцатилетняя, с тяжёлым рюкзаком — бежит по этому коридору, опаздывая на урок. Как прячется в туалете на втором этаже, когда Серёга с компанией поджидают её у выхода. Как сидит на подоконнике с Анькой, жуёт дешёвые сухарики и обсуждает мальчиков.

Она переступила порог класса и, не глядя по сторонам, нырнула на последнюю парту у окна и только тогда выдохнула. Анька уже суежилась у подоконника, пытаясь пристроить свои дурацкие гладиолусы в пластиковое ведёрко, которое кто-то предусмотрительно оставил.

Лея подняла голову и оглядела класс. Грудь сжало. Старые парты — тёмно-коричневые, с выцарапанными надписями и рисунками, которые не стёрлись за десятилетия.

Над доской висели портреты писателей. По бокам тянулись полки с книгами — потрёпанные корешки, запах старой бумаги.

Рабочий стол учителя стоял у окна — деревянный, массивный, ещё советский. На нём — стопка учебников, ручки в стаканчике, новенький журнал. Ещё ни компьютеров, ни ноутбуков.

Как же она ненавидела этот класс когда-то. Как мечтала сбежать отсюда, вырваться, забыть. Она провела пальцем по крышке парты и нащупала вырезанное чем-то острым сердечко.

Маленькое, кривое, вырезанное, видимо, циркулем или кончиком линейки.

А внутри — буква «А». Она водила пальцем по букве, чувствуя, как внутри холодеет. Кто вырезал? Когда? Она ни черта не помнила.

Анька заглянула через плечо.

— О, сердечко. Романтика, — хмыкнула Анька. — Это не ты вырезала?

Лея мотнула головой.

«А», — Артур. Аня. Алексей. Мало ли имён на «А» в этой школе.

Лея не поняла, что произошло.

Просто в какой-то момент класс зашумел, заскрипели стулья, и Анька дёрнула её за руку, заставляя встать. Лея поднялась на автомате, всё ещё не соображая, зачем.

А потом до неё дошло: учитель. Так приветствуют учителя в школе. Она забыла, как это бывает.

— Доброе утро. Простите за опоздание.

Бархатный, чуть хрипловатый. Такой знакомый, такой далёкий, что у Леи подкосились колени.

— Очень рад вас всех видеть. Таких повзрослевших и загорелых, — он устало улыбнулся. Она подняла голову.

Артур стоял у порога, чуть запыхавшийся, с лёгкой извиняющейся улыбкой на губах.

Русые волосы аккуратно уложены на пробор, очки в тонкой оправе чуть съехали на переносицу. На нём была светлая рубашка и тёмные брюки. Прижимал к груди пару новых учебников, будто боялся уронить.

Лея стояла посреди прохода, и мир вокруг будто замер. Анька что-то говорила, одноклассники рассаживались по местам, кто-то смеялся — но всё это было где-то далеко, за стеной ваты.

Перед ней стоял Артур. Молодой. До боли молодой. Двадцать пять лет. Всего двадцать пять.

Она смотрела на него — и не узнавала. Не того, с сединой на висках, что она видела вчера.

Перед ней стоял мальчишка.

Шрамы от проблемной кожи юности, ещё не зажившие до конца. Он кусал губы, смотрел в пол, когда класс замолкал. Рубашка чуть мятая, воротник стоял неровно.

И вдруг Лею ударило — так резко, что она чуть не отшатнулась.

Она старше его. Сейчас. Буквально.

В этой реальности она — тридцатилетняя женщина в теле семнадцатилетней девочки.

Класс загудел, засмеялся, кто-то крикнул «Здрассе». Стулья заскрипели, парты застучали.

— Садись, — зашипела Анька, дёргая её за рукав. — Ты чего, Лей? Сядь!

Лея рухнула на стул, будто у неё выдернули опору.

Артур открыл журнал, пробежал взглядом по списку и поднял голову, оглядывая класс. Его взгляд скользнул по лицам, задержался на ком-то в первом ряду, переметнулся дальше. И на секунду — на одну короткую — встретился с её глазами. Лея застыла. Но он уже смотрел в другую сторону.

— Ну что ж, — сказал он, чуть улыбнувшись. — Давайте знакомиться заново. Я ваш новый классный руководитель. В прошлом году я вёл у вас литературу, в этом, к сожалению или к счастью, мы проведём с вами весь учебный год, вплоть до экзаменов.

Артур говорил спокойно, но то и дело поправлял очки. Он раздал листочки с расписанием, объяснял, какие темы их ждут в первой четверти, заглядывал в журнал, сверялся с записями.

Класс гудел. Кто-то перешёптывался, кто-то откровенно рисовал в блокноте. Девчонки с первой парты пялились на Артура не отрываясь. Они сидели, подперев щёки руками, и смотрели на него с таким откровением, что Лее стало не по себе.

Она помнила этот взгляд. Сама так смотрела. Только сейчас, со стороны, это выглядело почти неприлично. По-детски. Собственнически. Артур чувствовал это.

Он то и дело отводил глаза, тербил ручку, но продолжал говорить. Он был слишком вежлив, чтобы сделать замечание.

Лея сидела, не сводя глаз с Артура. Она смотрела, как он поправляет очки, как проводит рукой по волосам, как чуть хмурится, зачитывая расписание. В голове было пусто и звонко одновременно.

И вдруг она почувствовала чужой взгляд. Такой тяжёлый, прожигающий, что аж висок закололо. Лея медленно, очень медленно повернула голову влево.

Анька сидела в полуобороте, подперев щеку рукой, и смотрела на неё с такой хитрющей, всезнающей улыбкой, что у Леи внутри похолодело.

— Ай! — Лея дёрнулась, а стул жалобно скрипнул. — Анька! Ты чего?!

— Я? — Анька невинно похлопала ресницами. — Я ничего. Я просто смотрю, как ты смотришь.

Лея почувствовала, как щёки заливают жаром. Она открыла рот, но ни одного внятного звука не вышло.

— Я не смотрела, — выдавила она наконец шёпотом.

— Ага, — кивнула Анька, не переставая улыбаться. — А я — великий слепой.

Лея медленно сползла ниже на стуле, мечтая провалиться сквозь пол прямо в подвал. Анька довольно хмыкнула и откинулась назад.

Для Аньки всё было просто: Лея снова краснеет из-за учителя. Старая история, которую они обе знали наизусть. Анька даже не подозревала, насколько всё стало сложнее.

— Ну что ж, — голос Артура прозвучал громче. — Впереди воскресенье, у вас выходной. Отдыхайте, набирайтесь сил. А в понедельник я жду вас на первом уроке литературы в этом году.

— Все свободны.

Класс взорвался шумом. Заскрипели стулья, кто-то засмеялся, кто-то уже кричал в коридоре.

Лея не успела пикнуть, как подруга уже тащила её к выходу, лавируя между партами и одноклассниками. Лея споткнулась о чей-то рюкзак, чуть не врезалась плечом в косяк, но Анька держала мёртвой хваткой.

— Ань, подожди, я сама, — попыталась вырваться Лея.

— Не дождёшься. Ты сейчас снова в ступор впадёшь, и я тебя отсюда лопатой выгребать буду.

Она вытолкала Лею в коридор, где уже было полно народу, и только тогда отпустила. Лея прислонилась спиной к стене. Голова кружилась. Анька встала напротив, смерила её подозрительным взглядом.

— Ты бледная — сказала она. — Опять ничего не жрала?

Лея только кивнула. Анька тяжело вздохнула.

— Тебе срочно нужно поесть. Анорексичка ты недоделанная.

Они вышли из школы, и Лея на секунду зажмурилась от яркого солнца, которое вдруг прорезало серое небо. Улицы были полны народу — ученики разбредались кто куда, мамы с колясками перекикивались через дорогу.

Лея вдохнула глубже, воздух был живой: мокрая земля, прелая листва, дым из чьей-то трубы и запах свежего хлеба. Она чувствовала, как лёгкие раскрываются, будто впервые за годы.

Пекарня при хлебозаводе стояла наискосок от школы — старая, с облупившейся вывеской и деревянной дверью. Внутри пахло сдобой и ванилью.

Анька подошла к прилавку, бросила мелочь и через минуту протянула Лее булку с маком в шоколаде. Ещё тёплую.

Лея взяла её в руки и замерла.

Та самая. С хрустящей корочкой, с тёмной глазурью, которая чуть потрескалась сверху, и маком, проступающим сквозь тесто. Она не ела таких с самой школы. В будущем их не стало.

Пекарня закрылась, хлебозавод перепрофилировали, а эти булки исчезли навсегда.

Она откусила кусок, и вкус ударил в голову так сильно, что на глазах выступили слёзы. Тёплое, мягкое тесто, сладкая глазурь, мак, хрустящий на зубах. Она жевала и не могла остановиться. Ещё. Ещё. Ещё.

— Ты чего? — засмеялась Анька, наблюдая за ней. — Тебя что, дома не кормят?

Лея не ответила. Она доела булку за минуту, облизала пальцы и только тогда подняла глаза на подругу. На щеках у неё блестели крошки шоколада, а в глазах стояли слёзы.

— Вкусно, — выдохнула она. — Очень вкусно.

Анька покачала головой, но улыбнулась.

Они свернули с главной улицы, и Лея будто шагнула в другой мир. Узкие улочки, где дома стояли вплотную друг к другу, деревянные, с резными наличниками, с палисадниками, где ещё цвели запоздалые астры. Где-то лаяла собака, где-то играла музыка из открытого окна.

Ни одного пункта выдачи, ни одного массмаркета. Только старые вывески, запах печеного дыма и прелая листва.

Они вышли к мосту, и Лея остановилась.

Деревянный. Старый, скрипучий, с перилами, которые помнили руки сотен школьников. Под ним текла река — узкая, но быстрая, с тёмной водой, в которой отражалось утреннее солнце.

Лея смотрела на него и улыбалась. Он был здесь. Целый. Настоящий. Ещё не смытый наводнением. Она помнила, как через восемь лет придёт сюда и увидит только обломки, разбросанные по берегу.

— Красивый, правда? — тихо спросила она, не оборачиваясь к Ане.

— Ага, — Аня пожала плечами, жуя вторую булку. — Обычный мост. Но да, ничего так. Лея рассмеялась. Легко, свободно, впервые за этот день.

— Пошли дальше, — она взяла Аню под руку. — Я хочу в парк.

Парк встретил их тишиной и золотом. Старые клёны, ещё не тронутые топором, шумели листвой на ветру. Лея прошла по главной аллее, провела рукой по скамейке, где они когда-то сидели с сигаретами, прячась от взрослых. Всё было на месте. Всё дышало.

— Я скучала, — прошептала она. — По всему этому.

— Мы были тут позавчера, — нудно ответила Аня.

Лея открыла глаза и уставилась на неё так, будто та заговорила на древнекитайском.

— Позавчера? — переспросила она.

— Ну да. Мы тут каждый день торчим, Лей. Это парк. Обычный. С деревьями. Ты чего, головой ударилась?

Она стояла, скрестив руки на груди, с выражением глубочайшей скуки, и бубнила про то, как ей надоела эта дыра, как она хочет свалить в Питер, как здесь всё уныло и серо.

— ...серьёзно, я не понимаю, чему ты радуешься, — продолжала Аня, не замечая Лейкиного взгляда. — Те же деревья, те же скамейки, те же голуби. Скукота смертная.

Аня не знала. Понятия не имела, что через пять лет этот парк вырубят под точечную застройку, что клёнов не станет, что скамейки сожгут, а голуби разлетятся, когда придут экскаваторы.

И Лея вдруг остро, до боли, позавидовала этой её скуке. Этому «позавчера». Этому «надоело».

— Ничего ты не понимаешь, — выдохнула Лея, всё ещё улыбаясь.

— Ты странная, я не могу. Пошли отсюда, это место на тебя дурно влияет.

Лея рассмеялась и пошла за ней. Может, и не нужно было объяснять, что этот «обычный парк» — чудо.

И тут в тишине утра раздалась трель. Тонкая, электронная, с лёгким дребезжанием — старая мелодия, которую Лея не слышала больше десяти лет.

Аня порылась в кармане и достала свой телефон-раскладушку. Экран светился тускло, на нём высвечивалось: «Мама Лейки».

— Это твоя, — Аня протянула ей трубку, даже не спрашивая. — Держи.

Лея замерла. Она смотрела на крошечную раскладушку на ладони подруги. Экран размером со спичечный коробок.

Лея протянула руку и взяла телефон.

— Алло? — выдохнула она.

В динамике — треск, помехи, а потом голос.

Мамин голос.

Но не тот, который Лея помнила — уставший, с вечной ноткой недовольства. Этот был моложе. Звонче. Резче. Не было той тяжести, которая появилась потом, когда мама начала болеть, когда работа высасывала её досуха, когда Лея выросла и перестала звонить.

— Доча, ты где вообще? — голос трещал, пробиваясь сквозь помехи. — Я звоню, звоню, а вы трубку не берёте! Марш домой, быстро! И ужин чтоб был готов к шести, ты меня слышишь?

Лея молчала. Она стояла посреди аллеи, прижимая холодный пластик к уху, и слушала.

Сейчас маме было чуть за сорок. Полная сил, энергии, вечно чем-то недовольная, вечно куда-то спешащая. Ещё не говорила тем раздражённым голосом: «Лейка, ну, когда внуки?»

— Ты меня слушаешь или нет? — голос стал громче. — Я кому говорю? Чтобы в шесть всё было готово!

Лея открыла рот, но горло сдавило спазмом. Она хотела сказать: «Мам, я скучала. Мам, я так давно тебя не слышала такой». Но из груди вырвался только тихий, сдавленный выдох.

— Да, мам, — прошептала она. — Я поняла.

В трубке пошли гудки. Она прижала телефон к груди и закрыла глаза.

— Лей? — Аня подхватила её под локоть. — Мать ругалась, что ли?

Лея мотнула головой, не в силах выговорить ни слова. Аня забрала из её рук свой телефон, спрятала в карман.

— Ань, я домой, — голос прозвучал глухо, чужим. — Мне надо...

— Завтра-то погуляем? — Аня склонила голову набок, поправляя лямку рюкзака. — Воскресенье впереди, целый день свободный.

Она не знала, проснётся ли завтра в этой реальности. Не знала, существует ли завтра вообще.

— Я... не знаю. Я позвоню.

— У тебя телефона нет, — резонно заметила Аня.

— Напишу в инсте.

Аня уставилась на неё.

— В чём?

Лея остановилась. В две тысячи девятом у них ещё нет профилей. Чёрт.

— В... — она запнулась, чувствуя, как щёки краснеют. — Напишу, Аня. Не тупи.

Она раздражённо махнула рукой и быстро зашагала прочь по аллее. Шаг, ещё шаг — ноги несли её вперёд по-старому маршруту, который она не ходила больше десяти лет.

Дома — прихожая. Те же старые обои. Старая вешалка, с которой вечно падали куртки. Тот самый половик у двери — вытертый, с неразборчивым узором.

Всё так, как было. Всё — не так.

Лея медленно прошла в свою комнату. Скрипнул пол под ногами. Дёрнулась занавеска от сквозняка. На столе — открытый учебник, ручка, забытая тетрадь.

Она села на кровать. Матрас просел вбок — туда, где годами продавливалась пружина.

И уставилась на стену.

Плакат с Гарри Поттером. Тот самый, из киоска. Потёртые края, пожелтевший скотч по углам. Гарри в очках, с палочкой наготове. А внизу, гелевой ручкой, синими чернилами, корявым почерком: «Ты — волшебник, Лея».

Она сама это написала. В четырнадцать.

Лея сидела, не в силах отвести взгляд. Где-то на кухне тикали часы.

Всё было на своих местах. Но она сама — нет.

Взгляд метнулся к плакату, и горькая усмешка тронула губы. Нет. Она не волшебник. Просто девочка, которая слишком хотела сбежать от своей взрослой жизни.

А вселенная, видимо, решила пошутить.

Она встала, подошла к столу. Там стоял компьютер — старый, пыльный, с огромным монитором. Она провела пальцем по корпусу — слой пыли остался на подушечке.

Нажала кнопку.

Компьютер загудел. Вентилятор застрекотал. Монитор моргнул, засветился синим.

И тут раздался тот самый звук.

Она стояла на коленях перед старым компьютером, слушая эту мелодию.

— Господи, — прошептала она. — Я дома. Я правда дома.

Она вытерла слёзы рукавом, шмыгнула носом и уставилась на экран. Те же иконки. Тот же фон — картинка с закатом, скачанная с какого-то сайта. Ярлык «ICQ».

Взгляд машинально скользнул в правый нижний угол, туда, где всегда висит значок вай-фая.

Пусто.

Она моргнула. Посмотрела ещё раз. Ну как пусто? Там должна быть лесенка сигнала. Или хотя бы крестик.

До неё дошло медленно. Какой, к чёрту, вайфай? В их глуши? В две тысячи девятом?

Лея откинулась на спинку стула и расхохоталась.

Взгляд упал на стол. Там, рядом с клавиатурой, лежала белая длинная штука с кнопочками.

— Модем, — выдохнула она. — Модем, мать твою. На сим-карте.

Она вышла на кухню. Те же жёлтые обои, стол с выцветшей клеёнкой в клетку, старый чайник на микроволновке. Лея щелкнула его.

Она заварила пакетик в старой кружке с потрескавшейся эмалью, из которой пила всё детство.

Взгляд упал на вазочку — стеклянную, с крышкой. Мама всегда держала в ней конфеты. Лея открыла: внутри лежали жёлтые и оранжевые мармеладные дольки, обваленные в сахаре. Те самые, которые она терпеть не могла в детстве. Слишком приторные, слишком липкие.

Она усмехнулась и зачерпнула горсть.

— Ну, здравствуй, детство, — прошептала и отправила одну в рот.

Вкус ударил сахарной бомбой. Приторно, липко, до скрежета на зубах. Но почему-то стало тепло.

С кружкой в одной руке и горстью мармеладок в другой она прошла в мамину комнату. Села на край кровати, поставила кружку на тумбочку, включила телевизор — тот самый, пузатый, с выпуклым экраном. Пульт, замотанный скотчем, привычно скрипнул в руке.

Экран засветился, пошёл помехами, потом появилось изображение — какой-то старый фильм. Она щёлкала каналы. Мелькали дикторы, кадры из сериалов, реклама сока, та самая, глупая и которую никогда не забудешь.

А потом — мультик. Старый, рисованный, с чуть выцветшими цветами. Мальчик и дельфин. Они плавали в океане, ныряли, смеялись — беззаботно, чисто, так, как умеют только дети.

Лея замерла. Она помнила этот мультик. Каждое утро перед школой, пока мама грела завтрак, она сидела на диване, поджав ноги, и смотрела, как мальчик учит дельфина трюкам.

Чашка в руке дрогнула. Она поставила её на тумбочку — не попала, кружка глухо стукнулась о дерево, чай плеснулся через край. Она не заметила.

Мальчик обнимал дельфина за плавник, а по её щекам уже текли слёзы. Она закусила губу, пытаясь сдержаться, но тело не слушалось. Она уткнулась лицом в мамину подушку — в наволочку с вышитыми цветами, пахнущую порошком и маминым шампунем — и разрыдалась.

Она рыдала в голос, как ребёнок, которого никто не видит. Сжимала подушку руками, комкала, прижимала к лицу. А по ту сторону экрана дельфин всё так же беззаботно выпрыгивал из воды.

— Мама, — выдохнула она в подушку, и слово утонуло в ткани. — Мамочка...

Она не знала, сколько прошло времени. Просто лежала, уткнувшись в мамину подушку, и плакала. От счастья, от боли, от того, что всё это настоящее. Сама не заметила, как провалилась в сон — слёзы ещё не высохли на щеках, тело, вымотанное до предела, сдалось.

Через пару часов. Резкий, металлический звук.

Лея подскочила на кровати. Спросонья не понимала, где находится. Взгляд заметался — телевизор, тумбочка, жёлтые обои. Дома. Она дома.

Замок щёлкнул. Дверь начала открываться.

— Лейка! Ты дома? — раздался звонкий голос из прихожей. — Я тут пирожных купила, муравейники. Ты же любишь?

Голос мамы.

Она поднялась, чувствуя, как затекла шея. Шлёпая босыми пятками по линолеуму, вышла в коридор и замерла на пороге кухни.

Мама стояла у стола.

Лея забыла, как дышать.

Мама была моложе. Лет сорок, не больше — подтянутая, килограмм на пятнадцать легче, чем Лея помнила. Яркая блондинка с обесцвеченными волосами, уложенными в лёгкую волну. На губах — коричневая помада, модная в те годы. Узкие джинсы, туфли на остром каблуке — даже дома не сняла. Светлые, почти прозрачные глаза смотрели цепко и быстро.

Она была красивой. Яркой. Совсем не похожей на Лею — тихую, зажатую, вечно сомневающуюся.

— Ты чего встала как вкопанная? — мама обернулась и улыбнулась той самой быстрой улыбкой, от которой на щеке появлялась ямочка. — Иди сюда, помогай. А то я тут коробку разорву, она запечатана намертво.

Она уже возилась с картонной коробкой от пирожных, пытаясь поддеть крышку ногтем.

— Ну чего застыла? — она подняла взгляд, чуть прищурилась. — Выглядишь уставшей.

Опять до утра за компом сидела? Я тебе говорила — глаза посадишь. Как линейка прошла?

Голос звенел привычно, мама гремела коробкой, ставила пакеты, поправляла блузку, говорила, не замолкая ни на секунду.

Лея медленно подошла. Шаг, ещё один. Она была выше матери сантиметров на десять — нависла, глядя сверху вниз. Глаза, опухшие от слёз, смотрели на каждую морщинку у глаз, на родинку над губой, на выгоревшие пряди.

— Доча?... — голос мамы дрогнул. Она перестала улыбаться. — Ты чего? Что случилось?

Два года они не разговаривали нормально.

Короткие звонки по праздникам: «Привет, как дела? — Нормально. — У меня тоже.

Холодные сообщения. Обиды, которые копились годами. Гордость, которая не давала сделать первый шаг.

А теперь мама стояла здесь. С тревогой в глазах. Ждала ответа. И Лея не знала, как к ней прикоснуться.

— Мам... — выдохнула она еле слышно, и голос сорвался.

Слёзы покатались медленно, тяжело. Она не вытирала их. Просто стояла и плакала, глядя на мать.

— Как дела? — выдавила она хрипло, и это прозвучало так нелепо — слёзы по щекам, нос распух, а она спрашивает про дела, будто они встретились случайно в магазине.

Мама нахмурилась, приложила прохладную ладонь ко лбу Леи — тёплую, с мягким маникюром.

— Иди-ка ляг. Я сама принесу еду.

Она хотела сказать: «Я скучала». Хотела обнять. Но развернулась и поплелалась в комнату.

Села на край кровати, не включая свет. За окном темнело — сентябрьские сумерки. Она сидела, обхватив себя руками, и слушала, как тикают дедушкины часы.

Минут через десять дверь приоткрылась.

— Ты чего в темноте сидишь? — голос мамы звучал непривычно мягко.

Щелчок — комнату залил тёплый жёлтый свет.

Мама поставила на тумбочку поднос. Тарелка с бутербродами — такими, какие получались только у неё: толстый ломоть хлеба, масло, колбаса. Гора. Кружка с тёмным чаем, лимоном и двумя ложками сахара. Блюдце с двумя кривыми, но жутко аппетитными муравейниками.

— Ешь давай, — мама присела на край кровати. — В понедельник в школу, а ты раскисла. Что за настроение?

— Спасибо, — прошептала она, беря бутерброд дрожащими руками.

Хлеб был тёплым, масло таяло на языке. Самое вкусное, что она ела за последние годы.

— Как линейка? — мама хлопнула себя по лбу. — Я и замоталась с этими пирожными, с работой... Как прошло?

— Нормально, — Лея пожала плечами, отводя взгляд. — Классный новый. Молодой. Учитель литературы.

— О, смотри не влюбись, — мама подмигнула.

Лея поперхнулась чаем.

— Ладно, сиди, ешь. Я переоденусь, сил нет.

Она встала, разминая спину, и вышла. Лея слышала, как хлопнула дверь её спальни. А через минуту тишину разорвал возмущённый голос:
— Лейка! Ты что, мармелад жрала в моей комнате?! И чай разлила на тумбочке! Я тебе сейчас дам «нормально»!

Лея замерла с бутербродом в руке. На губах расплылась глупая, мокрая улыбка.

Вечером Лея вышла в коридор. Остановилась у маминой двери. Та была прикрыта, но не заперта — через щель видно, как мама сидит на кровати, поджав ноги, и раскладывает пасьянс на тумбочке. На экране мелькала юмористическая программа.

Лея постояла. Хотела войти. Сказать что-то. Просто сесть рядом, положить голову на плечо. Но мама, не оборачиваясь, бросила:

— Закрой дверь, дует.

Лея прикрыла. Пошла на кухню, налила воды. Вернулась в комнату.

Потом вышла в туалет — и снова замерла у маминой двери. Теперь оттуда доносилось: «Раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре...» — и тяжёлое дыхание. Синди Кроуфорд. Мама пыхла перед телевизором, в спортивных лосинах, махая ногами.

Лея прошла мимо. Тихо. Почти на цыпочках.

Несколько раз за вечер — проскользнуть по коридору, услышать голос, ворчание. Не войти. Не обнять. Просто быть рядом.

Лея лежала на кровати, уставившись в потолок. Телефона нет. Интернета нет.

«Как мы вообще не сходили с ума?» — подумала она, прислушиваясь к тишине.

Ни уведомлений, ни ленты новостей, ни тупого скроллинга перед сном.

И тут за стеной заливисто расхохоталась Юлька. Соседка. Звонкий, чуть визгливый смех.

Лея хмыкнула и перевернулась на бок, глядя в стену.

«Ну да, чего бы тебе не смеяться, — подумала она с лёгкой завистью. — Ты же через десять лет выйдешь замуж за миллионера, будешь жить в трёхэтажном коттедже. А он сейчас, наверное, тусуется в другом районе и даже не подозревает, что ему светит такое счастье».

Она фыркнула в подушку.

— Ржать тебе, Юлька, ржать, — прошептала она в темноте. — А мне вот теперь разбейся со всем этим.

За стеной снова рассмеялись — и Лея, сама того не заметив, улыбнулась.

Глава 5. Первый выходной.

Утро ворвалось в комнату резким рывком — одеяло улетело в сторону.

— Подъём! — голос мамы звучал бодро и беспощадно. — Я на работу, чтобы к моему приходу всё сверкало! Полы помыть, пыль протереть, и ужин чтоб был!

Она выразительно провела большим пальцем по горлу, глядя на дочь.

Мама уже стояла в дверях — на каблуках, с сумкой наперевес, накрашенная, пахнущая духами «Диамант».

— И дверь за мной закрой! — крикнула она уже из коридора.

Хлопнула входная дверь. Стало тихо.

Лея сидела на кровати, лохматая и сонная. Посмотрела на часы — половина восьмого утра воскресенья.

— Господи, — выдохнула она. — Я и забыла, какая у меня мать-командирша.

Встала, поплелась закрывать дверь, по пути зацепилась ногой за угол кровати и выругалась шёпотом.

В ванной Лея взяла «Детский крем», покрутила в руках. Пахло прошлым.

— Ну, здравствуй, молодость, — усмехнулась она и выдавила каплю на палец.

Провела ладонью по гладкому лицу.

— Красота. И главное — даром.

На кухне стояла тарелка с яичницей. Рядом — три кружка колбасы, поджаренные до хруста, и ломоть свежего белого хлеба.

Лея села на табуретку и заметила записку. Мамин почерк — круглый, торопливый:

«Доча, я на работе, завтрак на столе. Под тарелкой деньги — тебе на день. Уберись, как обещала».

Она отодвинула тарелку и увидела две сторублёвые купюры.

— Это же целое состояние.

Лея позавтракала, убрала тарелку в раковину и посмотрела на ведро с тряпкой, которое мама предусмотрительно оставила посреди кухни.

Потом на окно.

Полы никуда не денутся.

На улицу Лея выскочила, когда дождь почти перестал лить.

Побежала по своему двору, перепрыгивая через лужи и разбрызгивая воду. Задела мокрую ветку — та сбросила на неё целый водопад капель.

— Ай! — Лея отскочила, отряхиваясь, и рассмеялась.

Рядом рос куст боярышника. Она сорвала ягоду, обтёрла о край кофты и отправила в рот. Сладко. Крахмально. Чуть терпко.

Как раньше.

Лея медленно пошла к выходу со двора. На улице взгляд цеплялся за витрины ларьков и магазинов. Особенно за журналы, которые она обожала в юности, и за плакаты внутри.

«Как ему понравится?» «Твой гороскоп на октябрь». «Постеры Серёжи Лазарева внутри».

Лея остановилась у витрины и улыбнулась. Все, что интересовало ее в юности. Она посмотрела на ценник. Просто смех.

Она шла медленно, никуда не торопясь. Ей хотелось запомнить этот день целиком.

Перед ней показался мост. Тот самый, деревянный. Лея ступила на него и остановилась на середине. Посмотрела вниз — Вода текла мутная, несла ветки и мусор. Дождь оставлял на поверхности мелкие круги.

Она знала, что будет дальше.

— Тебя смоем наводнением, — сказала тихо. — Через восемь лет. Я помню.

Лея посмотрела на другой берег.

Старая заброшенная школа искусств. Деревянные рамы, выбитые стёкла, заколоченные двери.

— А ты сгоришь, — произнесла она. — Подожгут подростки.

Она замолчала.

Вот так это и работает. Люди живут, ходят на работу, покупают журналы, ругаются из-за домашних дел. Никто не знает, что через несколько лет какая-то привычная вещь исчезнет навсегда.

Она вытерла щёку, шмыгнула носом и пошла дальше.

У ларька возле дома горел тусклый свет. Продавщица сидела за окошком и листала журнал.

Лея сжала в кармане сотню.

— Девушка, брать будете? — лениво спросила продавщица.

— Буду. Всё буду.

Чипсы, мороженое, сухарики, жвачку с переводками, бутылку лимонада и самое главное... школьную пиццу.

Открыла пакет. Запах ударил в нос: солёные огурцы, жидкий кетчуп, бледно-розовая колбаса, сыр, как натертый пластик.

Но как же это было вкусно.

В голове всплыла картинка: утро, кофейня, стаканчик матча-латте на овсяном молоке. Она стоит у стойки, прикладывает карту к терминалу и даже не моргает, когда списывают четыреста восемьдесят рублей.

Четыреста восемьдесят.

За чай с пеной.

Лея посмотрела на свои сокровища и фыркнула.

— Четыреста восемьдесят, — повторила вслух. — А тут целый пир за сотку.

Дождь резко усилился, будто кто-то провернул кран, она схватила пакет и побежала.

Кроссовки хлюпали, вода набиралась внутрь, волосы лезли в лицо, а куртка моментально промокла на плечах.

Ей было всё равно.

Она — тридцатилетняя женщина в теле семнадцатилетней девочки. Бежит под ливнем и покупает дешёвые сухарики.

Чего ей до кроссовок?

Войдя в квартиру, она замерла в прихожей, вслушиваясь в тишину. Мама ещё на работе.

Разулась и прошла в свою комнату. Стопка дисков у монитора. Плюшевый кролик на подушке, письменный стол, обои с цветочками, которые она ненавидела в семнадцать.

Всё как будто замерло во времени.

Она подошла к столу, выдвинула ящик. Стопка писем, перевязанная розовой ленточкой. Её почерк. Семнадцатилетней себя.

Лея села на край кровати и развязала ленточку:

«Марк, я не могу без тебя». Дальше — страницы и страницы. «Ты разбил мне сердце», «я не хочу жить», «если ты не вернёшься, я не знаю, что сделаю с собой».

Она читала и чувствовала странную смесь — жалость, стыд, нежность к той девочке, которой она была.

— Бедная ты моя, — сказала она тихо. — Если бы ты знала, что ты будешь смеяться над этим через годы. Но ты бы не поверила. Ты бы сказала, что я старая и ничего не понимаю.

Она сжала письма в руках, помолчала. А потом усмехнулась, вытирая непрошеную слезу. Не себя было жалко, а маленькую глупую Лею.

Лея включила компьютер. Системник загудел, монитор засветился.

Нажала на случайную песню — «30 секунд до Марса». Забавно, Лето не изменился ни капли даже в её время. Откинулась на спинку стула и вытянула ноги, пальцы во что-то уперлись под столом.

Взгляд упал на старую коробку из-под обуви. Вытащила, сдула пыль. Внутри — дневник в потрёпанной обложке, стопки бумаг, наклейки, вырезки из журналов.

И фотография.

Лея взяла её, перевернула.

Артур.

Молодой, в очках, с лёгкой улыбкой. Она украла её в десятом классе с доски почёта.

— Господи, я же спёрла тебя с доски почёта. А ты даже не заметил. — Она прижала снимок к груди — и расхохоталась. Громко, до слёз.

Она отложила фото, взяла письма. Неотправленные, исписанные её почерком, с кляксами и зачёркиваниями. Листала, качая головой.

Она открыла дневник, весь обклеенный сердечками.

Первая страница — «Я хочу, чтобы он заметил меня».

Дальше — стихи, которые она сочиняла ночами. Смешные, наивные, искренние. Листала и улыбалась, чувствуя тёплую, светлую грусть. Без боли, без надрыва. Просто память.

Потянулась за следующей тетрадью. Тонкой, в клеточку, с наклейками на обложке.

Анькина тема — «пошлые фанфики». Лея тогда отрекалась от них: мол, ничего такого. Сейчас открыла — и зашлась смехом.

«Артур шёл по коридору и я чуть не умерла... Он поправил очки и я поняла что люблю его навсегда. Лучшие я буду просто смотреть на него из далека».

Лея давилась смехом, вытирая слёзы рукавом.

— Боже, как же я на него «смастрела», — простонала она.

Перевернула страницу:

«Сегодня он был без пиджака и я увидела его руки. Я хочу потрогать его руку. Просто потрогать. Один раз. И умереть. Он как принц из книжки. Только настоящий. И я его люблю.»

Лея упала на подушку, трясаясь от хохота.

— Мужик без пиджака — господи, страсть-то какая!

Лея вытерла глаза и еле успокоилась, захлопывая тетрадь.

Дождь барабанил по стеклу. Лея сидела на полу, скрестив ноги. Рядом уже валялась пустая пачка из-под чипсов, крошки усыпали пол.

Бросила взгляд на часы в углу экрана — 16:42. И подпрыгнула.

Мама возвращается через два часа. В комнате — бардак. На кухне — гора посуды. В холодильнике — одинокий суп и засохший сыр.

Лея сорвалась с места. Она, тридцатилетняя женщина, привыкшая жить одна, носилась по квартире как угорелая. Схватила тряпку, протёрла пол, загрузила посуду в раковину и принялась тереть тарелки с такой скоростью, будто за ней гнались.

— Я взрослый человек, — бормотала она, натирая сковороду. — Я сама себе хозяйка. Я не должна бояться мамы.

Но она боялась. Потому что мама в две тысячи девятом была строгой и не терпела бардака.

Через полчаса кухня пахла жареными котлетами и пюре. Лея разложила всё по тарелкам, накрыла крышками, вытерла плиту и раковину. В комнате заправила кровать, открыла форточку.

Замерла в центре кухни. Чисто. Пахнет едой. Еще было время на безделие.

Руки машинально потянулись к телефону.

— Ага, как же, — напонила себе Лея и поплелась в комнату.

Модем пискнул, зашуршал. Треск, шипение — и ровный гул соединения.

Лея выдохнула, даже не заметив, что задерживала дыхание.

Ткнула мышкой в ярлык «ICQ». Программа загружалась медленно, с хрустом винчестера.

И вдруг — звук. «У-у-у!» Оповещение о входящих. И ещё. И ещё. Сообщения посыпались одно за другим, сопровождаемые кривыми смайликами из скобочек и двоеточий.

Первое — от Ани: «Лейка, ты чё пропала?! Я тебе сто раз написала!:)») Ты видела, что Пашка лох в „Одноклассниках" написал? Я ржу!)): D»

Второе — от Жени из параллельного: «Привет! У вас новый учитель литературы будет? Говорят, молодой и красивый! :* Завтра узнаем?»

Третье — от Иры, с которой сидели за одну парту в прошлом году: «Лей, ты дома?? я скачала „Гарри Поттера" третьего, если хочешь, скину на флешку, а ты мне диск с Властелином колец!))»

Лея сидела, уставившись на экран, и по щекам текли слёзы. Она уже не считала, сколько за этот день она плакала. Эти кривые смайлики, простые, наивные сообщения.

Положила руки на клавиатуру. Пальцы отвыкли от тугого хода, от громкого клацанья.

Строчила Ане одним пальцем, как раньше — про Пашку, про то, какая Ленка дура, что запала на него. Аня отвечала мгновенно, сообщения сыпались одно за другим, и Лея почти слышала её голос.

А потом на экране появилось сообщение, от которого перехватило дыхание.

«У нас первым русский, потом литература. Ты же помнишь, да? Твой любимый Артур Евгеньевич ^^ ХД))»

Пальцы застыли над клавиатурой.

Школа. Завтра. Уроки.

— Ну нет, — прошептала она. — Только не это.

Мурашки высыпали на спину.

— Нет-нет-нет. Я вернулась в тело семнадцатилетней — а значит, мне придётся переться в этот ад? Каждый день? В восемь утра? Сидеть за партой?

Она упала лицом на сложенные руки.

— Я взрослая женщина! Я плачу налоги! А теперь я должна делать вид, что мне интересно, как Марьиванна вещает про интегралы?!

Она зажмурилась.

— Не пойду. Пусть выгоняют. Пусть ставят двойки. — она уже нервно дергала ногой под столом — Я скорее второй раз спрыгну с тарзанки, где чуть не сдохла от страха, чем снова сяду за парту.

Она прошла через это один раз. И ей хватило.

Глава 6. Снова в школу.

Дверь в комнату распахнулась с таким грохотом, что Лея подскочила на кровати. Зрение ещё толком не сфокусировалось.

— Ты что, издеваешься?! — мамин голос ворвался в комнату.

Она стояла на пороге, уперев руки в бока, в халате и с мокрой тряпкой в руке.

— Семь утра! Я тебя полчаса бужу! В школу через сорок минут, а ты дрыхнешь! Чтобы через пятнадцать минут была на кухне!

Лея моргнула, пытаясь осознать реальность. Открыла рот — но мать уже развернулась и вышла:

— И не вздумай ныть! Сама виновата, что ночью не спишь! Живо!

Дверь хлопнула. Лея сползла с кровати, чувствуя, как каждый сустав хрустит после бессонной ночи. Прошлёпала в ванную, встала под прохладный душ. Зашипела, но хотя бы глаза открылись.

Она вылетела из ванной, ещё мокрая, с капельками на висках — и тут же наткнулась на маму.

— С мокрой головой на улицу?! Менингит схватишь! Сядь!

— Мам, так я спешу...

Мать сорвала полотенце с её плеч и начала яростно тереть ей голову, как маленькой. Лея стиснула зубы. Вот оно. Та самая причина, по которой она мечтала вырасти и свалить.

Она почти собралась, доставая закатившуюся ручку под стол, как взгляд зацепился за розовую бумажку под столешницей. Лея изогнула шею, почти касаясь щекой пыльной поверхности.

Маленький стикер, приклеенный снизу полки. Розовый, с блёстками. Аккуратным, чуть дрожащим почерком, гелевой ручкой:

«Артур снился: 13 мая, 4 июня, 8 июня, 23 июля, 9, 10 августа».

Лея смотрела на эти строчки, и внутри всё сжалось. Она не помнила, когда написала. Не помнила, как клеила. Но почерк был её — тот самый, с круглыми буквами и наклоном вправо.

— Боже, — выдохнула она. — Я с ума по нему сходила.

Она наспех отклеила и убрала в ящик.

Лея влетела в коридор, на ходу хватая с вешалки серый плащ с огромными пуговицами. Сунула одну руку в рукав, второй пыталась нащупать второй.

— Да чтоб тебя! — плащ выскользнул и упал на пол.

— Лейка! Ты что, не ела?! — голос матери из кухни.

— Ела, мам! — соврала она, натягивая плащ и застёгивая на ходу.

Схватила за ручку двери — и тут створка распахнулась сама, и на неё вылетела Анька. — БУ!

Лея заорала — тонко, с визгом, который, кажется, услышали во всём подъезде.

Анька согнулась пополам, схватившись за живот. Хохотала так, что не могла вдохнуть, сползая по косяку на корточки.

— Ты бы... ты бы видела своё лицо! — выдавила она.

Из кухни донёсся мамин голос:

— Что за крики?! Я сейчас выйду, и вы обе у меня получите!

Лея прижала ладонь к груди. Смотрела на Аньку — та же дурацкая, шумная, с растрёпанными кудряшками.

— Ты придурочная, — выдохнула Лея, и в голосе прозвучала такая нежность, что Анька на секунду замерла, удивлённо подняв бровь.

— А ты трусиха. Пошли, а то опоздаем. Твоя мать опять на взводе, отсюда слышу.

Они влетели в кабинет литературы, когда звонок уже прозвенел. Лея распахнула дверь — и класс замер.

Все головы повернулись.

— О, опаздывающие, — протянул кто-то с задней парты.

— Чё, уснули в туалете? — хихикнул парень с первой парты.

Лея застыла в дверях. «Я старше вас на тринадцать лет, — подумала она. — Я могла бы быть вашей матерью. Почти.»

Но от их взглядов всё равно хотелось провалиться.

Она подняла глаза.

Артур стоял у своего стола, опираясь ладонями о столешницу. Серый пиджак, рубашка без галстука, верхняя пуговица расстёгнута. Очки чуть съехали на нос — он поправил их привычным жестом, глядя на неё поверх стёкол.

— Проходите, девушки. «Мы уже начали», — сказал он негромко, и голос прозвучал мягче, чем она ожидала.

Лея выдохнула, прошла к своей парте и села, стараясь не смотреть по сторонам. Анька толкнула её локтем:

— Фух, я думала, он нас заставит стоять у двери.

Артур стоял у доски, спиной к классу, и писал мелом тему урока. Почерк аккуратный, с лёгким наклоном. Он писал медленно, будто давая им время проснуться.

— Русский язык. Повторение. Правописание безударных гласных в корне слова.

Кто-то с задней парты громко вздохнул.

Артур повернулся, стряхнул мел с пальцев и обвёл взглядом класс. Задержался на спящих, но ничего не сказал — только поправил очки и взял журнал.

— Откройте тетради, запишите число.

Лея послушно вывела:

третье сентября, две тысячи девятый год.

Смотрела на цифры и не могла поверить, что это реальность.

— Итак. Диктант:

«В осеннем лесу было тихо и пустынно, только изредка слышался шорох падающих листьев».

Лея опустила голову и начала писать. В прошлой жизни клавиатура заменила всё: письма, заметки, списки покупок. А теперь пальцы болели и словно забыли, как давить на стержень.

«В осеннем лесу...» — написала она и остановилась. Буквы вышли кривыми, детскими. Она отложила ручку. Откинулась на спинку стула и уставилась в окно. Серые облака плыли за стеклом.

«Не буду. — решила она. — Какой смысл? Я это уже проходила. Дважды».

Артур медленно расхаживал вдоль кабинета, заложив одну руку в карман, в другой — раскрытый учебник. Читал текст диктанта ровно, без лишней интонации.

Лея смотрела на него и не могла отвести взгляд.

Артур остановился у окна, поднял глаза.

— Соколова, вы меня слушаете? — спросил он негромко, с лёгкой насмешкой.

— Да, — ответила она тихо. — Слушаю.

Опустила глаза в тетрадь.

— Это ад, — прошептали губы.

Анька покосилась на её тетрадь.

— Ты чего как курица лапой? — шепнула она.

Лея не ответила. Заставила себя дописать. Буквы выходили корявыми, но уже разборчивыми.

Артур дошёл до конца ряда, развернулся и пошёл обратно к доске. Проходя мимо, на секунду замедлил шаг, бросил взгляд на её тетрадь, но ничего не сказал.

— «Только изредка слышался шорох падающих листьев...»

Лея вдруг заметила: «листв» вместо «листьев».

— Твою мать, — выдохнула едва слышно.

Анька дёрнулась, толкнула локтем. — Ты чего? Он же услышит.

Лея зачеркнула слово, написала сверху правильное. Она глубоко вздохнула.

«Наверное, я за что-то искупаю грехи — решила она. — Просто один день переживу. А там будь что будет».

Перелистнула страницу, чтобы продолжить писать. И замерла.

Сотни розовых сердечек, мелких, старательно выведенных. А внутри каждого — имя. «Артур». «Артур». «Артур» - снова и снова.

Лея резко захлопнула тетрадь. Щёки вспыхнули. Взрослая баба. Тридцать лет. Прячет тетрадку с сердечками, как малолетняя дура.

Анька наклонилась ближе:

— Ты чего? — покосилась на закрытую тетрадь. — Что там?

— Ничего, — ответила Лея слишком быстро. — Всё нормально.

Остаток урока Лея просидела как на иголках, яростно охраняя тетрадь, написав пару предложений, которых сама не понимала.

Звонок прозвенел спасительно. Она собрала сумку и попыталась выйти, забыв подождать Аньку.

— Вы не сдали тетрадь.

Голос Артура догнал её у двери. А у нее там розовые сердечки.

Она медленно обернулась.

— Тетрадь, Лея. Диктант нужно сдать.

Лея прижала сумку к груди.

— Я не дописала. Мне плохо. Голова кружится.

Он прищурился, изучая её лицо.

— Плохо? Может, в медпункт?

— Нет! — слишком резко. — То есть... я просто отойду. На воздух.

Он не сводил с неё глаз.

— Лея, — сказал он тише, чтобы не слышали другие. — Ты не собираешься, случайно, сбежать со второго урока? Литература — через десять минут.

Кровь прилила к лицу.

— Нет, — прошептала она. — Я вернусь. Честно.

Он смотрел ещё несколько секунд. Потом кивнул.

— Хорошо. Иди. Но тетрадь принесёшь на литературе. Без вариантов.

Лея почти бежала по коридору, пока не растворилась в потоке учеников. Отошла к запylённому окну и вытащила розовую тетрадь. Сердечки. На полях, на обратной стороне страниц. Глупые, детские, пыльные - все пошли в утиль, бумага порвалась с сухим треском.

«Теперь можно. Сдать и свалить».

Когда до звонка оставалось три минуты, она подошла к кабинету литературы. Чуть постояла на пороге, глядя на его спину. Стиснула зубы и подошла.

— Тетрадь, — тихо сказала Лея. Протянула, держа за самый край.

Он обернулся, взял, взглянул на обложку, потом на её лицо.

— Спасибо. Голова прошла?

— Да, — соврала она, глядя на полку с книгами. — Всё в порядке.

Она уже разворачивалась — пока не прозвенел звонок, пока можно было исчезнуть, — когда он сказал, не повышая голоса:

— Урок через две минуты, Лея. Садись на место.

В голосе не было приказа, но была та самая учительская твёрдость.

Лея замерла.

— Или не совсем прошла, — попытала она сдать назад.

— Если плохо — нужно было идти в медпункт. А не приходить сдавать тетрадь за минуту до урока. Садись. Литература важна.

Звонок прозвенел прямо у неё над головой. Одноклассники обтекали её. Кто-то толкнул плечом. Лея сделала шаг. Потом ещё один. Прошла к своему месту у окна и обречённо опустилась на стул.

— Чего ты как пришибленная? — шепнула Анька.

Лея не ответила.

Артур закрыл дверь. Тишина опустилась на класс. Он взял томик — Достоевский, «Преступление и наказание».

Она читала «Преступление и наказание» трижды.

В семнадцать — потому что надо. В двадцать четыре — потому что интересно. В двадцать девять — потому что наконец начала понимать Родиона Романовича. Ей бы тоже иногда хотелось взять топор и...

— Открываем тетради, записываем тему.

Он диктовал, писал на доске. Она смотрела на его спину — ткань рубашки натягивается при движении.

— Лея, — раздался его голос. — Ты записала?

Он смотрел на неё через весь класс.

— Да.

— Хорошо.

А она сидела с пустой тетрадью без сердечек и думала: побег не удался.

На литературе он говорил о теории «сверхчеловека», о моральных терзаниях Раскольникова.

— Итак. Раскольников делит людей на две категории. Кто скажет — какие?

Тишина. Кто-то на задней парте зашуршал обёрткой. Пашка делал вид, что читает. Женя грызла ручку.

— Обыкновенные и... — Артур выждал паузу, обвёл взглядом класс. — Собственно, никто не помнит?

— Материал и необыкновенные, — сказала она. — Те, кто имеет право переступить через закон ради высшей цели. Наполеон — его пример.

Класс повернулся. Лея прикусила губу, уже жалея.

Артур не ответил сразу. Взглянул на неё поверх очков. Потом кивнул.

— Верно. Раскольников причисляет себя ко второй категории. Дальше — вопрос. Прав ли он? Имеет ли человек право на такое деление?

— Нет, в этом вся его беда. Он придумал теорию, чтобы оправдать себя. А когда дошло до дела — не смог. Не потому, что совесть проснулась. Потому что он не тот, за кого себя выдаёт. Он...обычный. И знает это. Наказание начинается не с каторги, а уже с этой мысли.

Анька смотрела на неё, приоткрыв рот. С задней парты кто-то присвистнул.

Артур медленно опустил книгу.

— Интересно, — сказал он. Не «молодец», не «хорошо» — «интересно». — Ты читала критические статьи?

— Нет, — ответила Лея прямо. — Я просто думать умею.

Он не отвёл взгляд.

— «Просто думать умею?» — переспросил он, — Хорошо. Запишите мысль Леи. Наказание для Раскольникова начинается раньше суда.

— Лейка, — шепнула Анька, наклонившись. — Ты с ума сошла? Ты отвечаешь? По литературе?

Лея промолчала. Щёки почти покраснели.

Когда звонок прозвенел. Класс взорвался шумом. Лея поднялась, взяла сумку и вышла. Больше ни минуты здесь. Никаких уроков.

Именно у поворота к раздевалке на лестнице её и засекли.

— Опа, а куда это наша умница так спешит?

Сергея. Главный кошмар её школьной жизни. Пустые светлые глаза, мокрая чёлка, прилипшая ко лбу. Он стоял у окна раздевалки с парнями из параллельного.

Лея попыталась пройти мимо, но он шагнул вперёд, перегородив путь.

— Куда это ты собралась, не рано ли?

Парни хихикнули.

— Может, у неё месячные, — бросил один и явно был доволен собой.

Она попыталась обойти, прижимаясь к стене. Сергей шагнул следом, встав вплотную.

— Чего молчишь? — он наклонил голову, разглядывая её, сверху вниз — Уже все своему Евгеничу показала? А нам покажешь, что под юбкой прячешь?

Лея стиснула зубы. Она почти забыла, как молча подставляла щёки, потому что не умела иначе. Одно хорошо - перед ней теперь не проблема, а сгусток гормонов с куриными мозгами.

— Первый и последний раз, Серёг. — Она посмотрела ему прямо в глаза — Ты идёшь на хуй, или я за себя не ручаюсь.

Он замер. Не веря тому, что это вышло из ее рта.

— Чего?

Парни перестали хихикать.

— Ты глухой? — Лея не отвела взгляд. — Тронешь меня ещё раз — я тебя закопаю. Понял?

Сергея отступил на шаг.

— Дура, — буркнул он, отворачиваясь и сплёвывая на пол. — Больная.

Махнул рукой своим, парни потянулись, и толпа ушла к лестнице.

Лея стояла неподвижно, пока шаги не стихли. Только тогда выдохнула. Плечи мелко задрожали. То, о чём она мечтала с пятнадцати. Только что случилось.

И ничего. Никакого удовлетворения. Только больно и глухо. Разве что от волнения ещё шумело в ушах.

Она выхватила плащ с крючка и понеслась на улицу. К чёрту уроки. К чёрту всё это.

Холодный ветер ударил в лицо, смешиваясь с первыми каплями дождя. Она шла быстро, почти бежала, перескакивая через лужи.

Свернула в арку, ведущую к мосту. Пусто, сыро. Мокрые скамейки, голые ветки, лужи, в которых отражалось серое небо.

Лея остановилась под навесом заброшенной беседки, оперлась руками о перила и выдохнула.

— Какой же это бред — прошептала она. — Я не должна ходить в школу.

Она стёрла рукавом капли с лица — и услышала шаги. Кто-то шёл по дорожке, не спеша, но уверенно. Обернулась.

В нескольких метрах от беседки стоял Артур. Без зонта, в тёмном пальто, накинутом на плечи как у персонажа французского кино. Смешной.

— Я знал, что ты сбежишь, — сказал он. — Я шёл за тобой от школы. И не хочу подключать твою маму, Лея.

— Вот тебя-то мне и не хватало, — пробубнила она.

Он услышал, но не подал вида. Шагнул под навес, стряхивая воду с плеч.

— У меня нет привычки отпускать учеников посреди учебного дня — он выдержал паузу. — Я не собираюсь наказывать, и к директору не потащу, если ты объяснишь, что произошло.

Он сунул руки в карманы.

— Сергей? Или кто-то ещё?

Лея отвернулась, вцепившись в перила.

— Не твоё... не ваше дело, — осеклась.

Он заметил эту осечку. Прищурился.

— Хорошо. Не моё дело, — согласился он неожиданно мягко. — Тогда постой здесь. Приди в себя. Я подожду.

Он отошёл к краю беседки, прислонился к колонне и достал из кармана пачку сигарет. Закурил, пуская дым в сторону дождя.

— У тебя пять минут, — сказал он, не оборачиваясь. — Потом я отведу тебя в класс. Не потому, что я злой. А потому что сбегать — не выход.

Он затаился, глядя на серое небо.

Лея нагло покосилась на сигарету.

— Не угостите?

Он удивился, медленно повернул голову.

— Во-первых, тебе нет восемнадцати. Во-вторых, угощать ученицу сигаретой — это перебор даже для меня.

Стряхнул пепел.

— В-третьих, наглость — второе счастье, но с твоими лёгкими я бы поаккуратнее. Ты и так еле дышишь после бега.

— А курить перед учениками — не наглость?

Он замер с сигаретой в руке. На лице — лёгкий стыд и неожиданное веселье. Кашлянул, пряча улыбку, и быстро затушил сигарету о перила.

— Попался, — признал он тихо. — Да, непрофессионально. Ты права.

Выкинул окурочек в урну, повернулся к ней.

— Знаешь, Лея, ты сегодня уже второй раз меня удивляешь. Это тревожно.

«Тревожно» она горько усмехнулась.

— Нет, правда, — продолжил он — Ты смотришь на меня так, будто я тебе должен тысячу и не отдаю.

Помолчал.

— Я просто хочу понять, что с тобой происходит. Если нужна помощь — скажи.

Лея молчала. Этот двадцатипятилетний пацан в очках предлагает ей помощь. Даже трогательно.

Увидев ее напряженное лицо Артур, отступил на шаг.

— Прости. Не должен был лезть в душу. — Он посмотрел на неё. — Но я должен тебя вернуть. Возвращайся в класс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.